

BERONIKA
LESCHEVSKAYA

Не нужна
МАМА

СЕРДЦЕ НА ДВОИХ

Вероника Лесневская

Ненужная мама.

Сердце на двоих

<https://litres.ru/74221292>

Аннотация

- Двойня? Плохо... - бездушно выдает он, не отрываясь от моей истории. - Вика, от меня? - бросает так же сухо и коротко. - Гордей Витальевич, разве это важно? – стараюсь говорить непринужденно, будто меня совсем не задевает его вопрос. - Вы здесь как специалист-кардиолог, а я в роли вашей пациентки. Мы поменялись местами, и теперь мне нужна ваша помощь. Что скажете, доктор, какие будут рекомендации? - В нашей ситуации только одна... - поднимает на меня стальной взгляд ледяных серых глаз, чтобы добить жестким приговором. - Прерывание беременности.

Я влюбилась в коллегу и отца своей маленькой подопечной, нарушила врачебную этику и личные принципы, а он... приказал избавиться от наших детей. Вскоре после этого я застала его в объятиях одной из сотрудниц. Я думала, что Гордею не нужен никто, кроме его умершей жены, а ему просто не нужна... я. За два крохотных сердечка, которые быются под моим, и за свое собственное мне придется бороться в одиночку.

КНИГА ИЗДАНА НА БУМАГЕ В АСТ. Ищите в Читай-городе, Бук-24 и др.

✎ Читайте историю Назара (брата Вики) и Нади - "Бывший папа" - ✎ История Германа Демина - "Неверный отец" -

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	55
Глава 6	64
Глава 7	70
Глава 8	83
Глава 9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Пролог

- Викуль, да у тебя их двое, - растерянно сообщает Агата Сергеевна, знакомый гинеколог. Только ей я смогла доверить свой секрет, как оказалось, двойной.

- Это шутка? – оборачиваюсь, облокотившись о спинку стула, и провожаю врача долгим взглядом от двери до ее рабочего места. Терпеливо жду, пока она сядет за стол и разложит бумаги.

- Нет, и мне совсем не до смеха. У тебя двойня, - протягивает мне результаты анализов с завышенным ХГЧ и заключение УЗИ. - Значит, двойная нагрузка на твой организм, а особенно на сердце, с которым у тебя и так проблемы...

- Я в порядке, - перебиваю ее, нервно теребя пальцами карту. – Меня обследовали вдоль и поперек. Серьезных противопоказаний для вынашивания ребенка не выявили.

- Одного, но не двух. Многоплодная беременность сама по себе считается осложнением, - серьезно и насторожено объясняет мне очевидное, но я и так понимаю, что она права. Однако решение свое не изменю. - Что же у вас, Богдановых, все так сложно, - сокрушается, окинув меня сочувственным взглядом.

- Врачебные дети, - неловко пожимаю плечами. - Известный фактор. Болезни, реакция на лекарства, инфекции – все не как у обычных людей.

- Да, все так, - устало потирает переносицу. - Посмотрим, что скажет кардиолог. Тебе нужно встать к нему на учет сегодня же. На протяжении всей беременности он должен вести тебя и наблюдать за состоянием здоровья. Если вдруг что-то пойдет не так...

- Конечно, я все понимаю, - поднимаю руки в знак капитуляции. – Я согласна. Это в наших интересах, - аккуратно укладываю ладонь на живот, не до конца осознавая, что я больше не одна. Две маленькие жизни зависят от меня, и я сделаю все, чтобы сохранить их. В конце концов, спасти детей – мое призвание. Работая педиатром, я постоянно помогаю чужим, а теперь... буду своим.

Легко улыбаюсь, на миг отпустив все переживания, и мечтательно вожу кончиками пальцев вокруг пупка, пока Агата набирает номер кардиолога. В полной тишине слышу щелчок соединения и строгий мужской голос, приглушенный телефоном.

Сердце совершает кульбит в груди, волнительные воспоминания лезут в голову, а интуиция трубит в горн. Нет, это не может быть он...

- Гордей Витальевич, свободны? Можете зайти ко мне? – чеканит гинеколог в трубку, а потом обращается ко мне: - Тебе повезло, Вика, в нашей клинике по средам и субботам Одинцов принимает. Сегодня он как раз на месте.

Фамилия раздается как удар гонга, резко бьет по барабанным перепонкам. Хочется заткнуть уши руками, закричать

что есть мочи. Вместо этого погружаюсь в состояние ступора и апатии. Внутри – катастрофа вселенского масштаба, снаружи – хрупкая броня, которую я латаю по кусочкам, не позволяя эмоциям пробраться сквозь брешь.

- Нет, я... - шумно сглатываю внезапно образовавшийся в горле ком. – Можно мне другого врача?

- Глупости. Ты чего? – отмахивается Агата. – Он лучший в своем деле. Знаешь, каких усилий мне стоило уговорить его хотя бы на несколько дежурств! После смерти жены Одинцов вообще отошел от дел и сосредоточился на новорожденной дочери. Мы уже думали, что такой ценный кадр потерян для медицинской сферы. Но нет, он вернулся.

- Знаю, - шепчу, потупив взгляд.

- Вы знакомы? Ах да, логично, вы же оба медики. Наверное, пересекались... Что не поделили?

Упрямо молчу, закусив губу изнутри. Не признаюсь же я, что мы с Гордеем не поделили... наших будущих детей. Он пока не знает о моей беременности, ведь не планировал вновь становиться отцом. Это случайность, которой рада только я. Одинцов предан памяти своей жены – и никак не может ее отпустить. У него есть маленькая дочка от нее, а у меня теперь... две частички его каменного сердца.

Дверь поскрипывает за спиной, открываясь. По кабинету разносятся тяжелые, уверенные шаги. Останавливаются позади меня, и я оглядываюсь, схлестнувшись взглядом с Гордеем.

Он удивленно смотрит на меня сверху вниз, прищулив платиновые глаза. Выглаженный белоснежный халат растегнут, показывая безупречную контрастно-черную рубашку.

Красивый, как демон, и холодный, как айсберг. Идеальный мужчина, который никогда не был по-настоящему моим.

- Здравствуй, Виктория, - вежливо обращается ко мне. Улыбается скупой и мягко, как в те дни, когда я посещала его дочку как участковый педиатр. Проводит невидимую черту между нами.

- Добрый день, Гордей Витальевич, - поддерживаю деловой тон.

- Возьмете пациентку на консультацию? – вклинивается Агата, о существовании которой я в панике забыла. Все вокруг перестало существовать, кроме нас двоих.

- Да, разумеется, - напряженно произносит он, не сводя с меня наполненного опасной ртутью взора. - Что случилось?

- Беременность, - выпаливаю на одном рваном выдохе.

Гордей преображается как по щелчку пальцев. Мрачнеет, ожесточается. Хмурит брови, сжимает губы, играет желваками на скулах. В его глазах мелькает тень страха – и сменяется тихой яростью.

Вот и призналась... Не совсем так, как планировала, но судьба сама расставила силки, и мы теперь с Одинцовым в ловушке.

- Я вас оставляю, - спохватившись, Агата направляется к выходу. – Мне надо своих ЭКО-шек после подсадки провести. Можете пообщаться в кабинете.

Дверь хлопает, а Гордей, не обронив ни слова, занимает кресло врача. Подхватывает мои документы, внимательно изучает их, вчитывается, добирается до УЗИ и... становится темнее грозовой тучи. В полной тишине слышится лишь наше тяжелое дыхание, как шум ветра в пасмурную погоду.

- Двойня? Плохо... - бездушно выдает, будто речь о какой-то опухоли, которую надо срочно удалить. - Вика, от меня? – кратко спрашивает с хрипотцой, ни на секунду не отрываясь от моей истории.

- Гордей Витальевич, разве это важно? – стараюсь говорить непринужденно, будто меня совсем не задевает его вопрос. - Вы здесь как специалист, а я в роли вашей пациентки. Мы поменялись местами, и теперь мне нужна ваша помощь. Что скажете, доктор, какие будут рекомендации?

- В нашей ситуации только одна... - поднимает на меня стальной взгляд ледяных серых глаз, чтобы добить жестким приговором: - Аборт...

Глава 1

Четыре месяца назад...

Виктория

- Мамочка, вы на часы смотрели? Кто вас в такое время примет? Рабочий день закончился, все врачи разошлись, - доносится недовольное ворчание коллеги-педиатра за дверью. – Ждите дежурного. А если не срочно, лучше идите домой.

- Срочно, - умоляюще звучит в ответ. - Температура высокая, насморк.

- Тем более к дежурному. Вообще-то сегодня день здорового ребенка, - укоризненно напоминает доктор. – Хотите других заразить?

- Так ведь сейчас нет никого, вы же сами сказали, - голос матери становится громче и настойчивее. - Пожалуйста, посмотрите дочку.

Словно в подтверждение, раздается жалобный детский крик, заставляя сердце в груди встрепенуться. Не могу оставаться равнодушной. Я устроилась в поликлинику сразу же после мединститута – и не успела привыкнуть к мучениям малышей. Душа рвется на части каждый раз, когда я вижу слезы на невинных личиках. Маленькие ангелы не должны страдать, именно поэтому я выбрала педиатрию. Чтобы помогать им.

Отец твердит, что я должна научиться абстрагироваться и воспринимать пациента с точки зрения врача, а не слабой женщины. В противном случае мне лучше «биологию в медучилище преподавать», как он обмолвился однажды. Понимаю, что папа прав и дает советы с высоты своего многолетнего опыта в медицине, но... пока еще женское начало во мне сильнее. Надеюсь, со временем огрубею, как вся моя семья. В любом случае, практику не брошу. Я чувствую, что это мое призвание.

Накидываю медицинский халат, который успела спустить с плеч, и на ходу застегиваю пуговицы.

- Я приму, Маш, - выглядываю в коридор.

С доброй улыбкой приглашаю мамочку войти в кабинет. Краем глаза наблюдаю, как трепетно и бережно она несет на руках семимесячную малышку. Прижимает к себе и целует, несмотря на то что, та вопит ей на ухо. Материнская любовь – это особое чувство, выше всех остальных.

Собираюсь закрыть дверь, но моя коллега протискивается следом. Садится на стул в углу, роется в сумке, поглядывая на меня. Следит и контролирует? Возможно... Я еще не влилась в коллектив и порой ощущаю себя здесь белой вороной.

- Расскажите, что беспокоит? – ласково уточняю у нервной, расстроенной мамы.

Пока она дрожащим голосом перечисляет симптомы, я осматриваю ребенка. Малышка отвечает мне тем же – внимательно изучает меня, округлив глазки, затихает, забывая

плакать, а под конец пытается выхватить у меня стетоскоп. Хихикает, когда я прикладываю воронку металлической головки к ее груди, зажимается от щекотки.

- Не волнуйтесь, ничего страшного, - резюмирую, отстранившись от крохи. – Это не вирус. У вас первый зубик прорезается, десна припухшая. Такая реакция вполне возможна. Следите за температурой, но не спешите сбивать. Субфебрильная – считается нормальной. На случай, если поднимется выше тридцати восьми градусов, я выпишу вам жаропонижающее. Также объясню, как облегчить состояние дочки. Завтра с утра на всякий случай обратитесь к стоматологу – я проведу.

- Спасибо огромное, успокоили! Хорошо, что остались настоящие врачи! – вздыхает девушка, настороженно покосившись на мою коллегу, которая даже внимания на них с ребенком не обращает – листает ленту новостей в телефоне, ждет, когда я освобожусь.

- Это моя работа, - мягко отвечаю и прощаюсь с пациентами.

Казалось бы, я почти ничего не сделала и совсем не устала, зато мама довольна, а ребенок притих. И вот уже мое настроение улучшается, достигая необъяснимой эйфории. Окрыленная, лечу к шкафу, чтобы переодеться.

- Очередная тревожная мамка, - цокает Мария за спиной.
- Она же молодая совсем, и ребенок первый. Разумеется, переживает и перестраховывается, - невозмутимо пожимаю

плечами, снимая с вешалки плащ. – Лучше так, чем если бы она ставила диагнозы дочке по интернету и занималась бы самолечением.

- Надо было отправить к дежурному. Тебе никто сверхурочные не заплатит, - занудно бурчит коллега, поднимаясь с места и разминая спину. - Ты и так почти на час задержалась сегодня, - кивает на настенные часы. – Бесплатно.

- Деньги не главное, - выдыхаю, не оборачиваясь.

- Ну, в твоём случае – да, - тянет многозначительно, и я хмурюсь, захлопнув дверцу шкафа. – С твоими родителями вообще не здесь работать надо. Лучше бы отец тебя под свое крыло взял, чем отправил в нашу захудалую детскую поликлинику. Вообще не понимаю, как ты здесь оказалась, Богданова.

На собственную фамилию реагирую, как бык на красную тряпку.

Дочь известной династии врачей, я всегда в центре внимания. Мне завидуют, передо мной лебезят, меня... не воспринимают всерьёз. Последнее злит больше всего. Я словно придаток своей семьи, аппендикс, который можно удалить без особого вреда для организма.

- Может, мне и на работу с папой за руку ходить? – резко выпаливаю, вспыхнув и развернувшись к болтливой сотруднице. – А детей он сам вместо меня лечить будет?

- Тише, не кипятись, - примирительно выставляет ладони перед собой. – Я не хотела тебя обидеть. Поехали домой, а?

Подбросишь меня? Ты же за рулем, а я тут недалеко живу, тебе по пути. Конец лета выдался дождливым, опять ливень начался. Нет, я, конечно, могу пойти на остановку, - переминается с ноги на ногу. Осознаю, что она все это время сидела со мной не для того, чтобы помочь, а просто хотела сэкономить на такси. Да и бог с ней – мне не жалко.

- Я тебя подвезу, а сама - на свой участок. У меня сегодня еще вызов, - подхватываю медицинский саквояж, перебираю содержимое, проверяю, все ли взяла. Немного нервничаю.

- Что-то серьезное?

- Не думаю. Судя по описанию, колики.

- Тц, еще одна тревожная мамка, - устало цокает педиатр, будто это ее вызвали, а не меня. - Тебе сегодня на них везет.

- Хм, нет. Звонил мужчина, вежливый и приятный по голосу, - говорю без задней мысли и ловлю на себе препарирующий взгляд, от которого становится не по себе. – Что-то не так?

- Отцы еще хуже, - поучительно поднимает указательный палец Мария. - Становятся вообще отбитыми, когда дело кровиночки касается, так что ты там с ним помягче. Как психиатр с сумасшедшим.

- Скажешь еще, - смеюсь, выпуская ее из кабинета и закрывая дверь на ключ.

Сделав небольшой крюк на машине, чтобы доставить коллегу по адресу, я отправляюсь на вызов. На территорию элитного жилищного комплекса меня впускают без проблем, сто-

ит лишь назвать охране свою специальность и цель визита. Оказывается, педиатра очень ждут и велели не задерживать.

Затаив дыхание, захожу в нужный подъезд и поднимаюсь по ступенькам, крепко сжимая кожаную ручку саквояжа. Угрожающие слова Марии больше не кажутся мне смешными. Особенно когда слуха касается тонкий детский писк, а следом грубый мужской баритон:

- Это ребенок, черт бы вас побрал. Да, они плачут. И иногда даже кричат, если у них что-то болит, - рывкает с нотками обреченности. - У моей дочери как раз болит, и я не знаю, что...

- Успокойте ее, она уже больше часа непрерывно орет, у меня мигрень, - перебивает его женщина в возрасте. Наверное, одна из тех пенсионерок, которым мешает любой шум.

- Беруши в помощь, - жестко огрызается бедный отец, видимо, устав препираться с ней.

Младенец тем временем заходится в истошном вопле, и я ускоряю шаг. Кажется, я по адресу...

- Лучше я вызову полицию и опеку, пусть они с вами разбираются, - неожиданно заявляет соседка, явно перегибая палку.

- Стоп-стоп! – опешив, повторяет мужчина.

На секунду и я останавливаюсь на лестничном пролете, будто подчинившись его командному тону. Прислушиваюсь к переговорам, которые заведомо обречены на провал.

- Вы мне не понравились с первого дня, как сюда заехали.

Ни минуты покоя! И вообще, вы подозрительный какой-то: живете в бардаке, одеты как бомж, еще и грязный...

- Да на меня дочка срыгнула, - обреченно защищается так называемый бомж.

- Может, вы ее вообще украли? Кстати, где мать?

Вспыхиваю от негодования. Это уж слишком! Как бы громко ни вели себя соседи, это не повод терроризировать их, тем более, манипулируя ребенком. Поэтому я быстрее поднимаюсь по лестнице. Пора вмешаться.

- Мать дома? – настаивает токсичная бабулька.

Ответа не слышу. Мужчина почему-то молчит, словно внезапно впал в ступор. Заметив меня, отмирает и выгибает бровь, проходитесь по мне пустым взглядом, успевая покачивать скандалящего младенца, который умещается у него на одном локте. Отец и правда выглядит ужасно – похож на робота, выполняющего заложенную программу.

- А вот наша мама, - нагло кивает на меня, заставляя растеряться и на миг лишиться дара речи. - Сейчас она малышку успокоит. Да, дорогая?

Глава 2

Худосочная женщина с любопытством оборачивается, проходится по мне внимательным, раскладывающим на атомы взглядом, чуть прищулив глаза и машинально оттянув пальцем уголок правого. Медленно оценивает мою фигуру – и поднимается к лицу. Я смело и нагло изучаю ее в ответ, ухмыльнувшись одним уголком губ. Мысленно отмечаю, что она вовсе не бабка, коей показалась мне по тону и поведению. На вид ей лет пятьдесят с небольшим, одета в длинный шелковый халат в японском стиле, кольца на безымянном пальце нет и, судя по маниакальному желанию лезть в чужую семью, детей – тоже, по крайней мере, они с ней точно не живут. Дама приятной наружности, но постаревшая и очерствелая внутри. Диагноз – затянувшаяся тоска.

– Мать, значит? – упирает она руки в бока, пока я аккуратно делаю шаг ближе к отцу с ребенком, словно подсознательно оберегаю пищащую кроху. – Какая фифа, – выплевывает завистливо. – Ясно, кто в вашей семье при деньгах и за чей счет квартиру в нашем элитном районе снимаете. Альфонс, получается? – ехидно обращается к мужчине, а он никак не реагирует.

Вблизи выглядит еще более мрачным и обреченным, чем на первый взгляд. Осунувшийся, серый, с глубокими темными мешками под глазами, будто круглые сутки не спит. Пока

я отвлекаю его надоедливую соседку, он молча разворачивается и неспешно уходит вглубь коридора, фокусируясь исключительно на дочке. Скрывается за дверью одной из комнат, бросив нас.

– Вы слишком много себе позволяете, – проследив за странным отцом, больше похожим на призрак, я воинственно поворачиваюсь к женщине. – Кстати, у вас есть разрешение на содержание домашних животных? – многозначительно киваю на волоски белой шерсти, контрастирующие с черно-фиолетовым узором на ее груди. – Насколько я знаю, у нас это не приветствуется. Стоит ли мне обратиться в управляющую компанию? – блефую с невозмутимым видом. Я понятия не имею, какие здесь правила и кому жаловаться в случае чего, да и не собираюсь, но ей об этом знать не следует.

– У меня нет кошки, – цедит сквозь зубы, и опрометчивая фраза выдает ее с потрохами. Осознав, какую глупость совершила, ретируется к двери. – Пойду отдохну, мигрень начинается, – касается пальцами лба, забывая о своей угрозе вызвать опеку.

– Одной проблемой меньше, – выдыхаю ей в спину. – Осталась главная, – всматриваюсь в пустоту темного коридора.

Переступаю порог, запираю квартиру изнутри, ставлю саквояж на единственный свободный островок комода среди разбросанных детских вещей, соплеотсосов, погремушек...

– Мда-а, – тяну с необъяснимой грустью, снимая плащ и

цепляя его на крючок.

Перешагнув через неразобранную дорожную сумку, которую будто забыли в углу, я озираюсь по сторонам. Всюду веет безысходностью и отчаянием, даже ребенок не спасает гнетущую атмосферу. Воздух пропитан частицами боли и печали.

Поежившись, невольно кутаюсь в пиджак, хотя в помещении не холодно. Замечаю рамку у зеркала, беру ее в руки. На фотографии – красивая шатенка, улыбается широко, искренне и заразительно. На секунду я тоже приподнимаю уголки губ, но настроение летит в бездну, когда я вижу черную ленточку в углу...

Услышав шаги, быстро возвращаю рамку на место, опустив изображением вниз. Сцепив кисти в замок перед собой, скидываю взгляд на дверной проем, где появляется хозяин дома. Он на ходу стягивает с себя футболку, грубо комкает ее в руках, быстро надвигается на меня, грозясь снести со своего пути, как бешеный поток плотину.

– Кхм-кхм, – скромно покашливаю, напоминая о себе.

Он чуть не спотыкается на ровном месте, резко останавливается и замирает как вкопанный. Смотрит на меня с легким шоком, будто забыл о моем существовании.

– Вы еще здесь? – вздергивает брови удивленно. – Благодарю за помощь, можете быть свободны, – вежливо посылает меня куда подальше. Но я не двигаюсь с места. – Наверное, денег хотите? Я заплачу, подождите. Сколько?

Шаг. Еще один. И он оказывается практически вплотную ко мне. Протягивает руку к своей ветровке, что висит на крючке рядом с моим легким плащом-тренчем. Хлопает ладонью по карману в поисках портмоне. В нос проникает его запах, дразнит рецепторы. Это смесь детского питания, эвкалипта с мятой, кислого молока и терпкого мужского пота.

– Ничего не нужно, – строго пресекаю его попытки скорее избавиться от меня и выставляю перед собой раскрытую ладонь, слегка касаясь пальцами голого торса, от которого исходит жар. В буквальном смысле. Кажется, я ошиблась по поводу колик. У них здесь настоящий лазарет. – Руки где можно помыть? – сурово спрашиваю.

Во мне включается врач, который требует скорее осмотреть малышку и помочь ей. Уверена, у нее тоже высокая температура. Потом желательно бы и отца лекарствами напичкать. Могу поспорить, он и не намерен лечиться, хотя должен – пусть не ради себя, но ради ребенка. Иначе от вируса не избавиться.

– Ванная там, – пожав широкими плечами, мужчина лениво взмахивает рукой в нужном направлении.

Стоит мне отстраниться и попятиться к двери, как он обходит меня и, слегка задев плечом, врывается в ванную передо мной. Небрежно кидает свою грязную футболку прямо на переполненную корзину.

– Проходите, – безразлично выдает, пропуская меня внутрь.

Достаю использованный памперс из раковины, спокойно выбрасываю его в урну, не обронив ни слова в укор, и включаю воду.

– Издержки отцовства, – выплевывает жестко мужчина, словно ему стыдно за бардак, но оправдываться передо мной не хочется.

– Ничего страшного, – мягко улыбаюсь, встречаясь с ним взглядами в отражении зеркала. Выдавливаю остатки жидкого мыла на ладонь, подношу руки под теплую струю.

– Мы недавно въехали, толком расположиться не успели, как Алиска заболела, – продолжает говорить он, опершись плечом о косяк двери. – Она плачет постоянно, спит плохо, с рук не слезает, – бубнит в унисон с жалобным мяуканьем, доносящимся из комнаты. – Ни на что не хватает ни сил, ни времени. Даже клининг не вызвать – нечего чужим людям делать рядом с ослабленным ребенком. Ей всего три недели, – тихо уточняет, погружаясь в собственные мысли. Возможно, вспоминает о той шатенке с фотографии.

– Все правильно, – разрываю болезненную тишину. – Знаете, резкая смена обстановки всегда негативно влияет на младенцев. Должен пройти адаптивный период, и тогда вам обоим станет легче, – приободряю его, но крик малышки становится громче и требовательнее.

– Пусть так... Дома было еще хуже, – кидает с горечью и возвращается к дочери.

Тяжело вздохнув, стряхиваю воду с рук, обрабатываю ла-

дони антисептиком и, подхватив все необходимое для осмотра, направляюсь в детскую. Застаю мужчину у окна. Стоит ко мне спиной, сгорбившись, покачивает плачущую малышку. Уверенно приближаюсь к ним, останавливаюсь рядом.

– Давайте, я ее послушаю, – закинув стетоскоп на шею, протягиваю руки, а он косится на меня, как на полоумную маньячку, которая решила похитить его ребенка. – Разве не вы участкового педиатра вызывали?

Хмурится, сканируя меня с головы до ног, размышляет, будто собирается попросить диплом врача и паспорт. Начинается...

– Я думал, соседка... Тебе лет-то сколько, доктор? – скептически спрашивает, неожиданно переходя на «ты».

– Совершеннолетняя, не переживайте, – машинально огрызаюсь, потому что терпеть не могу такое снисходительное отношение. Я выгляжу младше своего возраста, но это не повод умалять мои квалификационные качества. – Профессионализм не измеряется годами и... полом, – выгибаю бровь, а мои протянутые руки так и висят в воздухе, как у просящего нищего на паперти.

Недоверчивый отец не спешит отдавать мне дочку, однако укладывает ее на пеленальный столик, где мне будет удобнее ее осмотреть. Таким образом, идет на компромисс. По-прежнему сомневается, хотя подсознательно понимает, что выбора у него нет. Я нужна его малышке.

– Спорное утверждение, – бурчит, подпуская меня к ре-

бенку, а сам нависает над нами, скрестив руки на груди, по-прежнему без футболки. Контролирует процесс вплоть до безобидного измерения температуры. – Скажи это тем пациентам, кого мне приходилось с того света вытягивать после таких вот молодых, подающих надежды врачей, которые сердечный приступ с невралгией путают.

– Стоп! Алиса Гордеевна Одинцова, – вспоминаю полное имя моей маленькой больной. – Значит, вы Гордей Одинцов? Врач-кардиолог? Почему-то сразу вас не вспомнила, –жимаю плечами, раскрывая распашонку на крохе. Она прекращает плакать и смотрит на меня расфокусировано, хаотично взмахивая кулачками.

– Если ты обращалась ко мне, то у меня плохая память на лица, предупреждаю сразу. Могу разве что по диагнозу определить, – усмехается он, не скрывая типичной особенности врачей.

Каждый день перед глазами мелькает столько людей, что мы их толком не запоминаем. Но если сказать, с чем именно поступил, картинка сразу складывается в голове.

– Нет, я о вас от отца слышала.

Поднимаю указательный палец, жестом попросив Одинцова помолчать, и прикладываю к крохотной детской грудке головку стетоскопа, предварительно согретую в ладони. Прослушиваю легкие. Чистые.

Массирую и поглаживаю малышке животик, а она блаженно мурлычет и причмокивает. Оставив одну ладонь на тель-

це девочки, придерживая и оберегая ее, вторую – я протягиваю Гордею:

– Виктория Богданова, – важно представляюсь.

– М, ясно, – неоднозначно мычит, чересчур жестко сжимая мои пальцы. По-мужски сильная хватка заставляет меня поморщиться, а его – милостиво отпустить мою руку.

– Скажете, что меня по благу устроили? – ухмыляюсь с сарказмом. – В поликлинику? – неприкрыто смеюсь, боковым зрением отмечая, как тонкая прямая линия его жестких губ на секунду изгибается.

– Да нет, у Богданова вся семья достойная и принципиальная. Есть надежда, что ты не исключение, – хмыкает, не упустив момента бросить колкость в мою сторону, а я демонстративно закатываю глаза от сомнительного комплимента.

– Тридцать восемь и шесть, – смотрю на цифры в окошке бесконтактного термометра и убираю его от лица любопытной малышки. Обнулив показатели, направляю инфракрасный луч Одинцову в лоб, как прицел снайперской винтовки. – Будем сбивать... И вам тоже.

– Мне не надо, – отшатывается от меня, как от прокаженной. – Ты пациентов отличить не можешь? – произносит таким тоном, словно я совершенно безнадежна как врач.

Услышав звуковой сигнал, показываю упрямому отцу результат.

– Тридцать девять и один, – озвучиваю температуру. – Спишу вашу грубость на лихорадку. Благо, сознание не те-

ряете в таком состоянии. А что если с ребенком на руках? – давлЮ на его родительские чувства, раз уж инстинкт самосохранения напрочь отбит.

Врачи – самые отвратительные и вредные пациенты. По себе и своим родным знаю. Способны вылечить население всего города, но не в силах позаботиться о собственном здоровье.

– Алиска ножки поджигает постоянно, кряхтит и орет при этом, – переключает внимание на дочь.

– Кишечная колика обостряется на фоне вируса, так бывает. Сейчас оботремся влажным полотенцем, примем лекарства, сделаем массажик – и баиньки, – улыбаюсь девочке, а она, не понимая ни слова, продолжает заинтересованно слушать меня, округлив мутновато-синие глазки. Улавливает тембр моего голоса, хорошие интонации и затихает.

– К нам Астафьева должна была приехать, заслуженный педиатр. Я ее лично знаю, – не унимается Гордей, испытывая меня острым, пронизывающим взглядом, будто выискивает во мне изъяны.

– Да, но ее участок передали мне, так что придется вам теперь меня терпеть. Или записаться в частную клинику, – бойко парирую, выдерживая наш тяжелый зрительный контакт.

Одинцов сдается, отворачивается и устало потирает переносицу.

– Платно не всегда значит качественно, – произносит ис-

тину, с которой я тоже отчасти согласна. Среди частных врачей не меньше бездарей, чем в рядах государственных. Все зависит от конкретного человека и степени его ответственности.

– Я сама с ребенком справлюсь, идите в душ, – смело приказываю, многозначительно покосившись на его обнаженный торс, покрытый бисеринками пота.

Гордей медлит. Не слушается. Невероятно упертый и твердолобый.

– Позже, – рвано отрезает. Он начинает раздражать даже меня, стойкую и уравновешенную от природы. Как его коллеги выдерживают? Или только мне выпала честь лицезреть Одинцова настоящим? Говорят, болезнь вскрывает истинное лицо человека. И его характер. Так вот, у Гордея он отвратительный.

– Я вас к малышке в таком виде не подпущу. Антисанитария, – перехожу в нападение. Все равно он не реагирует, будто врос в пол и пустил корни, как вековой дуб. – Не переживайте, если я ограблю квартиру или вдруг похищу ваше плачущее сокровище, вы теперь знаете, где меня искать, – шутливо добавляю, бережно переодевая Алиску. Нежно провожу пальцами по ее бокам вниз, вынуждая вытянуть ножки. – Поверьте мне, когда я уйду, у вас не будет времени на душ. Пользуйтесь, пока я добрая.

В нем словно ломается что-то. Глаза цвета ртути из разбитого градусника и такие же токсично-опасные кружат по

мне, препарируя без скальпеля. Переключаются на ребенка. Оценив риски, мужчина со скрипом покоряется.

– Я мигом.

Быстро шагает к двери, по пути прихватывая с полки шкафа чистые штаны и футболку.

Убеждаюсь, что Гордей слов на ветер не бросает, когда несколько минут спустя он появляется на пороге комнаты. Свежий, распаренный, приносит с собой приятный аромат травяного шампуня. Выглядит немного бодрее, но глаза все равно красные.

– Ого, как в армии, – не скрываю удивления. Я даже ничего с Алиской толком сделать не успела, лишь лекарства подготавливала.

– Не служил, у нас была военная кафедра в меде, – равнодушно бросает, опускается в кресло, вальяжно развалившись в нем и вытирая полотенцем мокрый затылок. Короткие жесткие волосы после душа торчат перьями в разные стороны, а ему плевать. Сидит, как царь, и изучает меня, будто свою подданную.

– Примите это, а завтра терапевта к вам знакомого пришлю, – команду, оставляя на тумбочке рядом с ним таблетки и воду.

Перекинув полотенце через плечо, он нехотя берет стакан. Крутит его в руке, не сделав ни глотка. Вздохнув, я возвращаюсь к маленькой пациентке, чтобы не смущать упрямого старшего.

– Так, смотрите, я распишу названия лекарств, дозировку и время приема. Также оставляю вам свой номер телефона, если возникнут вопросы. Звоните в любое время суток, – комментирую каждое свое действие, не оглядываясь на Одинцова. – Измеряйте температуру каждый час, давайте больше воды.

Аккуратно беру полусонную, измученную кроху на руки, прижимаю к себе, ощущая, как она на врожденных инстинктах ищет грудь и воодушевленно слюнявит мне блузку. На доли секунды застываю в таком положении. Уголки губ упрямо ползут вверх, сердце барабанит в ребра, разгоняя горячую патоку по венам. Невольно вбираю носом сладкий детский запах.

Очнувшись, укладываю Алиску в кроватку. Надеюсь, Одинцов не заметил моего странного поведения или не придал ему значения. Дело в том, что с новорожденным младенцем я сталкиваюсь в своей практике впервые – до этого были детки чуть постарше.

Господи, ей всего три недельки... А она уже осталась без матери. Никогда не увидит ее, не услышит колыбельную, не узнает тепла, ласки и заботы. Отец не сможет заменить обоих родителей, как бы ни старался, тем более, если он в отчаянии и депрессии.

Бедная Алиса...

Покачиваю кровать с маятником, и она практически сразу засыпает под действием лекарств.

Недюжинным усилием воли заставляю себя отойти от нее. Мысленно прячу неуместные эмоции в глубине души. Недаром отец твердит, что они мешают врачу выполнять свою работу. Я почти расклеилась, поэтому прогоняю женщину-мать прочь, оставляя себе образ медика.

– Минут пятнадцать подожду, чтобы проверить, спадет ли температура, – засекаю время, обхватив большим и указательным пальцами циферблат серебряных наручных часов, подаренных мне отцом в день выпуска из мединститута. Под римской цифрой «двенадцать» чаша со змеей, а на обороте – фамильная гравировка. – Завтра утром перед работой заеду к вам.

Поправляю и застегиваю пиджак, чтобы спрятать мокрые пятнышки на груди, которые оставила мне на память Алиса. Впервые за долгое время оборачиваюсь и наконец-то решаюсь посмотреть Гордею в глаза, но... они закрыты.

– А вы... – осекаюсь, не закончив фразу.

Растерянно изучаю мужчину, который мирно спит, сложив руки на груди и запрокинув голову. Поза неудобная, словно он отключился внезапно, и я понятия не имею, в какой именно момент. Одинцов слышал мои рекомендации? Судя по неопределенному мычанию вместо ответов... вряд ли он что-нибудь вспомнит, когда проснется.

Лекарства Гордей все-таки выпил – и это плюс. Однако минус в том, что он по-прежнему горит. На цыпочках подхожу ближе, склоняюсь над ним и костяшками пальцев ка-

саюсь лба.

Кипяток...

Краем глаза посматриваю на Алиску, которая ворочается и кряхтит сквозь сон, продолжает чмокать губами. Ее бы не мешало напоить. Интересно, когда у нее кормление по графику? И где детская смесь?

Разбудить бы отца... Но он в таком состоянии, что его, кажется, и выстрелом из пушки не поднимешь.

– Хм, и что мне с вами делать? – растерянно шепчу.

Глава 3

Гордей

Писк кардиомонитора пронзает слух и разрывает барабанные перепонки в лохмотья. Спасительная глухота не наступает. Звук проникает глубже, бьет в каждый орган, резонирует по венам, наполняет клетки безысходностью. Открываю рот в нем крике, но лишь хватаю губами воздух. Ловлю руками пустоту, сжимаю кулаки до хруста костяшек, который тоже не слышен – только чувствуется. Ломаются суставы, ломается сердце, ломаюсь... я.

Ее не вернуть... Прямая линия...

Я должен был, но не смог. А она мне доверилась... Все, что мне осталось, – бесконечный ночной кошмар на повторе.

Три недели крошечного ада. Единственный луч света в конце тоннеля – наша дочь. Частичка ее и... причина смерти. Люблю и ненавижу. Готов убить себя за это, но нельзя.

Придется жить... ради них обоих.

Сквозь боль и туман прорывается тонкий детский плач, и я мгновенно распахиваю глаза. Подаюсь корпусом вперед, не до конца разделяя сон и реальность, и спотыкаюсь взглядом о женский силуэт, склонившийся над детской кроваткой.

На автопилоте поднимаюсь и, с трудом передвигая ватные ноги, бреду к ней. Сегодня мой кошмар затянулся, стал почти осязаемым и обрел продолжение.

Понимаю, что она ненастоящая, но малодушно отгоняю эту мысль.

Я дико скучаю...

Я устал. Я сдох и постепенно разлагаюсь без нее... Поэтому протягиваю руку, чтобы дотронуться хотя бы во сне.

– Алиса? – с болью выталкиваю из груди ее имя. Кончики пальцев упираются в острую лопатку. Реальный контакт прошибает меня током и заставляет дернуться.

Что за черт?!

Призрак оборачивается как раз в тот момент, когда глаза привыкают к полумраку. Образ жены стирается, и я различаю черты лица девушки, которая кажется мне смутно знакомой.

– Алисе лучше, жар спадает, – кивает она с мягкой улыбкой, отступая и пуская меня к дочери. Думает, я звал ее... Пусть так.

Медленно прихожу в себя, вспоминая события этого дня. Дотошная соседка на площадке, плачущая дочка на моих руках, незнакомка, появившаяся из ниоткуда, но очень вовремя.

– Виктория... Богданова, – восстанавливаю имя молоденького педиатра в измученном болезнью мозгу. Надавливаю пальцами на виски и массирую до ярких пятен перед глазами.

До чего же хреново! На ногах едва стою... Размяв затекшую шею, выпрямляюсь и стараюсь держать невозмутимый

вид. Сложно. Хочется рухнуть, уснуть и... не проснуться.

– Все так запущено? – произносит Вика с толикой иронии, чтобы разрядить атмосферу, но в мелодичном голосе проскальзывают беспокойные интонации. Ее жалость корбит. – Вас до сих пор лихорадит?

Включив ночник, она вскидывает руку, наводит на меня термометр, как пистолет, и целится прямо в лоб. Мельком бросаю взгляд в окно – на улице непроглядная тьма.

Который час? Впервые я так отрубился.

– Как долго я спал? Надо было разбудить, – укоризненно кидаю, пока детский врач измеряет температуру великовозрастному мужику. Свожу брови к переносице, поднимая взгляд на инфракрасный луч – и небрежно отмахиваюсь как раз в тот момент, когда звучит сигнал.

– Тридцать семь и девять, – проговаривает одними губами, удовлетворенно кивает сама себе, а потом отвечает на мои вопросы: – Несколько часов. Если честно, я пыталась вас будить. Потом еще посудой гремела на кухне в поисках детского питания. Алиску подняла, а вас – нет, – разводит руками, в одной из которых держит пустую бутылочку.

– Извини, что так получилось. Мы тебя задержали.

– Вам помощь нужна, Гордей, – назидательно чеканит, отворачиваясь к моей крохе, чтобы проверить подгузник. – Вы же сами видите, что не справляетесь в одиночку.

– Знаю, как раз ищу няню, но они все какие-то... ненадежные.

– Или у вас завышенные требования? – косится на меня с подозрением. – А бабушки, дедушки?

– Мои родители живут в Беларуси. Мама приезжала после того, как... – осекаюсь на полуслове, не желая произносить это вслух. Разум не принимает. – Когда Алиска родилась, – формулирую иначе. – Без матери я бы первое время вообще не протянул. Потом она вынуждена была вернуться домой. Как только возьмет отпуск, то проведет его с нами. Допрос окончен? – неожиданно рывкаю с раздражением.

Я злюсь не на Вику, а на себя. Слишком откровенничаю с ней. Чужим людям на хрен не нужны мои проблемы, и она не исключение. А я веду себя как пьяный идиот на встрече анонимных алкоголиков. Богданова не нанималась подрабатывать психологом, но продолжает ковырять мои раны.

– А со стороны... жены?

– Мы с ними не общаемся...

Потому что мы с Алиской убили их единственную любимую дочь... Простить не могут.

– Извините, я у вас немного похозяйничала, – заметив мое мрачное настроение, Вика меняет тему. – Можете проверить ценные вещи, – подшучивает аккуратно.

– Проверил, – указываю на малышку в кроватке. – На месте.

Прячет легкую улыбку, с теплом поглядывая на ребенка. Такая живая, энергичная, светлая, что и я невольно поддаюсь, на доли секунды забывшись. Тянусь к ее огню, чтобы

согреться. Она как пришелец в нашей пропитанной мраком и негативом квартире. Именно я принес с собой эту тьму, забрал из дома, где мы жили с женой и который я оставил, потому что воспоминания душили. Она там в каждой фотографии, в каждой вещи, в каждом скрипе половицы. Я бы точно свихнулся.

– Я оставила рекомендации и для Алиски, и для вас, – Вика протягивает мне листочки с печатью и свой размашистой подписью. – Мой номер тут, если что, – тычет тонким пальчиком в цифры. – Что ж, мне домой пора. Это бы самый долгий вызов в моей практике, – тихонько посмеивается. Непривычный звук, на который Алиска реагирует с удивлением. Здесь никто даже не улыбается...

– Такси? – проявляю каплю вежливости. Я и так вел себя с ней как последний хам.

– Я за рулем, – деловито выдает, поправляя высокий хвост. Каштановые волосы выпадают из растрепавшейся прически, но это Вику не портит. Наоборот, она кажется более уютной, домашней. Будто живет тут давно, а не приехала осмотреть больную. Гармонично вписывается в обстановку, заполняя пустоту. Или я просто одичал за три недели?

– Поздно уже. Еще и дождь, дороги скользкие... Точно поедешь?

– Мужской шовинизм? – дерзко вскидывает подбородок и бойко смотрит на меня. – Женщины водят машину не хуже вас.

– Я не это имел в виду, – устало качая головой, не желая больше препираться с ней, и внезапно предлагаю: – Ты можешь остаться до утра.

– Нет, – чеканит коротко и твердо. Простреливает меня недовольным взглядом, будто я что-то неприличное предложил. – Я и так у вас задержалась, – важно прокручивает изящные часики на тонком запястье.

Невольно изучаю ее... Хрупкая, сердобольная, внимательная. Хотя бы тот факт, что она не бросила нас с малой, характеризует ее как очень эмпатичного, сопереживающего человека. Но для нее это, скорее, минус. В медицине чувства мешают, а порой могут привести пациента к смерти. Как случилось в моем случае...

Наверное, Вика выбрала для себя самую оптимальную специальность – педиатр. Не представляю ее в хирургии, залпанную кровью, со скальпелем и зажимом в руках. Хотя не удивлюсь, если она и там себя покажет с лучшей стороны. Будет до последнего держать лицо и выполнять возложенные на нее задачи, несмотря на орудующую в груди мясорубку. Такие, как она, не отступают и не сдаются, даже если очень больно. Внутри нее – стальной стержень, облаченный в нежную оболочку.

– Ладно, как скажешь, – капитулирую, освобождая путь к двери.

В узком проходе между детской кроваткой и пеленальным столом вдвоем не протолкнуться. После огромного дома с

мансардой эта квартира кажется мне тесной, душной коробкой, в которой я ночую, как бомж. Причем я выбрал самую большую площадь, однако все равно нам с Алиской неуютно. Надо хотя бы сделать перестановку, чтобы оптимизировать пространство, но руки не доходят. Я даже вещи не все разобрал после переезда.

В какой-то момент мы с Викой оказываемся четко напротив. Лицом к лицу. Она по-девичьи теряется, а я усмехаюсь и невесомо касаюсь ее талии, чтобы оттеснить к двери. Стоит нам разойтись, как Алиска заходится в диком вопле.

Машинально разворачиваюсь к кровати, но Богданова опережает меня. Моргнуть не успеваю, как вижу малышку на ее руках. Крик становится все тише, а постепенно переходит в жалобное мяуканье.

– Тш-ш, – Вика ласково успокаивает Алиску, прижимаясь губами к ее макушке, рядом с бьющимся родничком.

Неосознанно зацкливаюсь на образе матери с ребенком. Окаменелое сердце дергается за ребрами, но я умиряю его, загоняя обратно под замок. Вычеркиваю из памяти приятную, но чужую картинку. У нас никогда не будет полной семьи.

– Ты принимаешь пациентов чересчур близко к сердцу, – отмечаю с легким укором. – Жалость погубит тебя, доктор.

– Зато мое равнодушие погубило бы вас, – фыркает она, прижимая мурлычущий комочек к себе. Алиска не теряет времени зря и активно слюнявит ей блузку, постукивая ку-

лачком по ложбинке груди. – Сейчас бы вы не мне грубили, а объяснялись с полицией и опекой, вызванными с легкой руки вашей соседки.

– Она старая стерва, с первого дня нас невзлюбила, – гневно выплевываю.

Вика приоткрывает рот, чтобы возразить мне, но так и не произносит ни звука, потому что притихшая дочка неожиданно срыгивает, выпуская на безупречный костюм нашего педиатра чуть ли не половину объема своего кормления.

– За это тоже извини, давай дочку мне, – вздыхаю, поднимая руки к Алиске. Провожу пальцами по маленькой спинке, спотыкаюсь о Викину кисть, невозмутимо перекладываю ладонь на детскую попу, придерживая ее.

– Часто у вас такое бывает? – хмурится Богданова, рассматривая дочку и потеки смеси на своей некогда идеальной одежде. Не проявляет ни грамма брезгливости. Скорее, оценивает ущерб с медицинской точки зрения и мысленно перебирает диагнозы.

– Обычное дело, – все-таки забираю кроху. – С рождения футболки мне метит.

– Гордей, скажу честно, меня это настораживает, – мрачно сводит брови.

– Виктория, еще одно слово – и придется спасать меня от инфаркта, – нервно ухмыляюсь, опуская дочку на столик, чтобы сменить распашонку. Нам пора бы одноразовые использовать, потому что в ванной уже собралась целая гора

грязной детской одежды.

– Нет уж, увольте, возмущенные и хронически недовольные отцы в мою сферу обязанностей не входят, – ехидно хмыкает Вика, осторожно снимая с плеч испачканный пиджак. Двумя пальцами оттягивает мокрую ткань блузки, облепившую верх ее груди. – Для начала давайте попробуем сменить смесь. Когда выздоровеете, сдадим несколько анализов, а дальше посмотрим. Будем контролировать набор веса, график кормлений и ваше самочувствие. Не беспокойтесь, наладим работу желудочка.

Подходит к Алиске, слабо отталкивает меня плечом от собственной дочери, склоняется над ней и ощупывает голый животик. Послушно отхожу, чтобы найти в шкафу последнюю чистую футболку. Мне их тоже катастрофически не хватает, но эту... я подаю опешившей Вике.

– Иди в душ, в таком виде я тебя к младенцу не подпущу, – возвращаю ее же фразу и вижу, как мягкая улыбка трогает пухлые, напряженно поджатые губы. – Антисанитария, – с упоением отчитываю молодого врача, отомстив ей за наш недавний разговор. Теперь мы меняемся местами.

– Если можно, я застираю у вас блузку? – смущенно спрашивает вместо того, чтобы спорить и сопротивляться. Мне импонирует ее уравновешенность и мудрость.

– Да, и повесь на змеевик, если найдешь там место. За ночь высохнет, – инструктирую деловито и возвращаю дочку в кроватку, предварительно сменив ей подгузник. За эти

недели я так привык, что ребенок постоянно или ест, или пишет, что делаю все необходимое на автомате.

Пока Вика скрывается в душе, я расстилаю для нее постель в отдельной комнате. Здесь никто еще не ночевал, ведь сам я сплю на диване в детской. Не могу ни на шаг отойти от Алисы. Каждый день пролетает как в тумане, и только сегодняшний неожиданно заиграл светлыми красками благодаря неопытному, но очень трудолюбивому врачу с обостренным чувством ответственности.

– Послушайте, Гордей, я не...

Реагирую на скромный мелодичный голос и, импульсивно стиснув пальцы на комплекте постельного белья, оборачиваюсь. Вика нерешительно мнется на пороге. В моей футболке, длинные края которой повязаны узлом на осиной талии. Юбку она решила оставить, видимо, чтобы не щеголять по дому полуобнаженной. Хотя меня это ничуть бы не затронуло – мужик во мне умер и похоронен под гранитной плитой.

– Ты обещала утром к нам заехать, помнишь? – строго произношу и выпрямляюсь, чтобы не смущать ее. Небрежно бросаю одеяло на кровать. – А до рассвета осталось... часа четыре, – указываю на настенные часы. – Если хочешь, позвоню Богданову и отчитаюсь, что его дочь в безопасности.

– Может, хватить акцентировать внимание на моем возрасте? – грозно произносит она, и в эту секунду ее лицо озаряется проблеском молнии. Взгляд мечется в окно, за которым бушует стихия, на дне черных зрачков вспыхивает

страх. Маленькая девочка боится грозы, но усиленно прячет свою слабость. – Я останусь исключительно для того, чтобы вы в лихорадке не проспали свою дочь.

– Принято, – подавляю смехок, который провоцирует у меня ее чересчур серьезный, боевой вид. Юная совсем, горячая, дерзкая. Характер как каленое железо. Она станет хорошим врачом. – Спокойной ночи, – огибаю ее по широкой траектории, стараясь больше не касаться, и оставляю одну в комнате.

– И вам, – чуть слышно доносится мне в спину.

Спустя полтора часа я кормлю Алиску, четко по расписанию, которое составила Вика. Стараюсь не шуметь, чтобы не разбудить ненароком плененного нами врача. На доли секунды останавливаюсь у ее закрытой двери по пути на кухню. Прислушиваюсь к звукам и шорохам внутри комнаты. Богдановой не спится, однако все равно я решаю ее не тревожить – пусть отдохнет от моей душной компании.

Закончив все дела и убедившись, что дочка мирно сопит в коконе, я собираюсь вздремнуть. Совсем недолго, не более получаса... Но как только голова касается подушки, меня отрубает так, будто кто-то выключил тумблер.

– Гордей, – сиплый шепот будоражит слух, а рваное дыхание едва уловимо обдаёт щеку. – Надо вставать, Гордей Витальевич, – летит мне в лицо строже и громче.

Запах легких женских духов вперемишку со стойким лекарственным флером, от которого медикам не избавиться,

пробуждает профессиональные ассоциации. Ночное дежурство в клинике, пара часов отдыха после сложной операции, медсестра на посту...

– Подготовь пока пациента к осмотру, я сейчас приду в приемную, – чеканю жестко, накрывая лоб ладонью. Зажмуриваюсь от яркого света, бьющего по сомкнутым векам. Неужели уже утро? Я только лег...

– Боюсь, нашей маленькой пациентке нужен папочка, – доносится мягко и по-доброму.

Такая особенная манера речи, с резкими перепадами от суровых ноток до ласковых, свойственна только одному человеку...

– Хм, Виктория, – лениво приподнимаюсь на локте и часто моргаю, фокусируя поплывшее зрение на девушке, что присела возле моего дивана.

Встречаемся взглядами, и она тут же разрывает мимолетный зрительный контакт. Подскакивает на ноги, одергивает юбку и поправляет лацканы пиджака, на темной ткани которого чуть заметны светлые разводы. На память от Алиски.

– Мне пора на работу, – сообщает так, будто мы живем вместе. И она сейчас уйдет, чтобы вернуться вечером, приготовить ужин, покормить ребенка... На мгновение я замыкаюсь в себе, забывая, кто в этой квартире хозяин.

– Хорошего дня, – отвечаю, как муж со стажем. И яростно растираю руками заспанное лицо, пытаюсь взбодриться.

Нехотя занимаю положение сидя, откинувшись на спинку

дивана. Выглядываю из-за утонченной фигуры Вики на детскую кроватку в поисках дочки. Кажется, я проспал кормление.

Черт! Отец года!

Почему дочка такая спокойная? Обычно она будит меня криком.

– Алиске я дала смесь и лекарства. Следующий прием через три часа, не забудьте. И следите за температурой, – командует Богданова, будто я совсем безнадёжен. – Своей тоже, – добавляет тише, указывая на горсть таблеток для меня.

– Так, а я почему не проснулся? Я даже не слышал, как ты вошла в комнату, – удивленно протираю глаза.

– Вы были заняты тем, что во сне медсестер строили, – с лукавой ухмылкой издевается надо мной, но следом становится серьезнее. – Распишите себе задачи на день и обязательно ставьте будильник. Мужчине сложно привыкнуть к режиму ребенка и откликаться на его потребности, это нормально, ведь у вас элементарно нет материнского инстинкта и чуткости. Привычка обязательно выработается, но нужно время. И наймите няню, наконец, иначе загоните себя, – морщит аккуратный нос, недовольно окидывая меня, помятого и сонного, прищуренным взглядом.

– Не понимаю, ты сейчас раскритиковала меня или приободрила? – выгнув бровь, смотрю на нее исподлобья. Мне становится не по себе от ее пристального внимания – начинаю чувствовать себя совсем потерянным для общества эле-

ментом.

– Всего лишь констатировала факт, не следует воспринимать мои советы в штыки. Я вам не враг. В моих интересах, чтобы вы скорее выздоровели, а у меня было меньше работы, – снисходительно улыбается мне с высоты своего роста. – Я постирала детские вещи, а ваши только успела загрузить в машинку, развесите позже, когда прозвучит сигнал. Лекарства для Алиски оставила на кухонной столешнице, рядом с бутылочками и смесью, – делает паузу, чтобы добить меня своей заботой и поставить в неловкое положение. – На плите куриный бульон. Это для вас.

Нервно кашляю от неожиданности и легкого шока. Подаюсь вперед, облокотившись о колени и свесив кисти между широко расставленных ног. Понимаю, что должен поблагодарить Богданову, но мысли путаются в разрывающейся от мигрени голове, а слова острыми костями застревают в горле.

Замираю, уставившись на нее, как баран. Наверное, в моих глазах бегущей строкой мелькает череда вопросов, но я не в силах озвучить ни одного. Так и хороню в себе искренние удивления.

Зачем ей все это? Могла бы не делать...

Легкий взмах длинных, изогнутых ресниц, шумный вздох – и Вика молча уходит, попрощавшись со мной коротким кивком.

– Я провожу, – растерянно говорю ей вслед.

– Не надо. Я захлопну дверь, – оборачивается на пороге, мило улыбнувшись. – Жду вас на приеме.

Некоторое время просто сижу, не шевелясь, и смотрю на пустой дверной проем. Ощущение, будто мне только что показали нечто важное, поманили перед носом – и тут же забрали.

Это была демоверсия домашнего уюта. Наверное, я заплатил бы за полную. Но Вика не нянька. Она не нанимается и не продается. Вряд ли вообще вернется после тяжелой вчерашней ночи.

– Жаль, – выдыхаю вслух, чувствуя опустошение.

Глава 4

Две недели спустя

Виктория

Аккуратным, не свойственным врачу, каллиграфическим почерком заполняю детскую карточку, откладывая ее к остальным – и вся стопка, опасно накренившись, вдруг рассыпается по столу, как карточный домик. Сощурившись от грохота, я обессиленно роняю голову на сцепленные в замок кисти. Замираю в такой позе, тяжело и шумно дыша.

– Ты рассеянная сегодня, – улавливаю голос Марии среди шелеста и шороха, что я сама же и устроила. – Все из рук валится. Устала?

– Немного, – тихо признаюсь, поворачиваясь к проему, через который видно лишь край шкафа с документами. – Медсестра в отпуске, а одна я ничего не успеваю, – продолжаю говорить в пустоту.

Мы работаем в смежных кабинетах, между которыми есть общая дверь. Раньше здесь была прививочная, а после ремонта ее перебазировали в просторное, выполненное по всем современным требованиям, светлое помещение. Ненужный кабинет достался мне, так как остальные на момент моего трудоустройства оказались уже заняты. Первое время Мария была недовольна подселением желторотого новичка, которого «всему надо учить, да еще и бесплатно». Од-

нако как только она узнала, кто я и из какой семьи, молниеносно сменила гнев на милость. С тех пор упорно набивается мне в подруги, но я стараюсь сохранять нейтралитет.

– Вика, иди домой пораньше. Я тебя прикрою, если что, – заискивающе предлагает, а отрицательно встряхивая высоким хвостом и выпрямляюсь в кресле.

– Нет, у меня еще один ребенок по записи, – растекаюсь в улыбке, вспоминая Алиску, но тут же хмурюсь, поглядывая на часы. – Почему-то они опаздывают...

– Пф, так отменяй! По правилам, на прием нам отводят пятнадцать минут. Если время истекло, то это уже не твои проблемы. Следующий! – выкрикивает уже в коридор.

– Черствая ты, Маш, – укоризненно вздыхаю, постукивая пальцами по дисплею телефона.

У меня есть номер Гордея, но за всю неделю я набрала его лишь однажды, сразу после той ночи, чтобы справиться о здоровье малышки. Одинцов был не в духе. В свойственной ему жесткой, холодной манере ответил, что все в порядке и в помощи они не нуждаются. Скупой поблагодарил меня и попрощался таким тоном, будто... навсегда.

Я решила, что он все-таки обратился в частную клинику и нашел себе достойного педиатра вместо зеленой неопытной выскочки, ставшей медиком благодаря папеньке. Моему удивлению не было границ, когда Гордей все-таки позвонил сам и вежливо записался на прием. Для меня этот мужчина остается загадкой. В нем уживаются две противополож-

ности: ледяной, хамоватый циник и обычный, немного растерянный отец.

– Зато я не загнанная лошадь, – заглядывает ко мне Мария, опираясь о косяк двери. Подмигивает игриво и тут же меняется в лице, услышав стук в дверь. – Входите, сказала же. Что у вас? – недовольно бурчит, впуская маму с ребенком.

Она успевает принять пациентов и быстро отправить их восвояси, а я так и сижу над разбросанными картами и буравлю взглядом вход. Начинаю переживать. Пальцы сами тянутся к телефону, разблокировав его, порхают по экрану в поисках нужного контакта. Зажимаю кнопку вызова, слушаю гудки... а в коридоре вдруг раздается мелодия сигнала. Становится ближе и громче, звучит в унисон с уверенным, немного нервным стуком в дверь.

Сердце совершает кульбит в груди, когда я различаю тонкий писк Алиски. Подскакиваю с места в тот самый момент, как в кабинет заглядывает Гордей. Немного запыхавшийся с дороги, но выглядит гораздо бодрее и приличнее, чем в нашу первую встречу. Вместо заляпанной футболки и спортивных штанов сегодня на нем деловые брюки и рубашка. Все мрачно-черное, без единого островка просвета, ведь... Одинцов держит траур по жене. На темной ткани особенно заметны неровности и смятые места. Видимо, одежду и дочке, и себе он гладит сам, как умеет. Куртка перекинута через локоть левой руки, а в правой – автолюлька с малышкой. Кулак сжат

так сильно, будто в нем заключено величайшее сокровище. Костяшки побелели от напряжения.

– Виктория Егоровна, – обращается Гордей уважительно, с хрипотцой растягивая мое имя. – Простите нам наше вопиющее опоздание. Вы в праве прогнать нас, но смею надеяться на вашу доброту, – виновато ухмыляется и смотрит на меня с надеждой, а малышка мурлычет, поддерживая отца.

– Вам повезло, я свободна, – произношу как можно спокойнее и поджимаю губы, чтобы спрятать теплую улыбку. Я искренне рада их видеть здоровыми, поэтому, сорвавшись, я сама подлетаю к ним, тревожно изучая обоих. – Что случилось? Вы в пробке застряли?

– Хм, не совсем, – Одинцов ставит люльку на кушетку, и я сразу же достаю Алиску, широко улыбаясь ей и с трудом сдерживаясь, чтобы не расцеловать сжатые завязками шапочки щечки. Ослабляю узел под подбородком. – Пока собирались, пришлось менять ей одежду три раза. И еще дважды переодеваться самому, – завуалированно объясняет Гордей, вызывая у меня сдавленный смешок. – В качестве небольшой компенсации... – осекается и молча оставляет на кушетке большую коробку дорогих шоколадных конфет. Моих любимых, к слову, но...

– Я взятки не беру, – гордо отрезаю, вздернув бровь.

– Вика, мы коллеги, и это не взятка, – тихо переходит на «ты», а я машинально бросаю взгляд на открытую дверь между кабинетами. У Марии царит гробовая тишина, а она

сама наверняка превратилась в слух. — После всего, что ты сделала для нас, это меньшее, чем я могу тебя отблагодарить.

— Спасибо, — коротко шепчу, освобождая взмокшую Алиску от комбинезона. Укутал ее папочка, перестарался...

— А, и еще, — бьет себя по карману брюк, выуживая пакетик с бегунком, внутри которого поблескивает до боли знакомая серебряная сережка с изумрудом. Маленькая, изящная, которую легко потерять, что я и сделала в его квартире... — Я все-таки вызвал клининг на днях, и ребята нашли ее под кроватью. Уверен, что твоя, потому что у меня больше никто не ночевал...

— Тц, Гордей... — цыкаю на него, перебивая, пока не наболтал лишнего, — Витальевич, — добавляю на тяжелом выдохе. — Подержите минуточку, — отдаю ему дочку, а сама шагаю к проклятому межкабинетному проему.

На мгновение встречаюсь с пристальным взглядом коллеги, которая уже и не скрывает своего любопытства. Вытянув шею, Маша с интересом следит за нашей беседой. Нахмурившись, я плотно захлопываю дверь. Стараюсь не думать о том, какие сплетни поползут обо мне по всей поликлинике.

Опершись плечом о стену, складываю руки на груди и укоризненно смотрю на Одинцова. Он и бровью не ведет. Невозмутимо покачивает на руках малышку, похлопывая ее по попке. Делает это на автопилоте, хотя она даже не плачет и ничего не требует. Но отцовская привычка сильнее. При этом он не сводит с меня серых глаз, в которых нет ни тени

раскаяния.

– Что? – уточняет в полном недоумении, а мне то ли плакать хочется, то ли смеяться над ситуацией.

– Гордей, своей неоднозначной фразой вы ставите меня в неловкое положение перед коллегами, – произношу одними губами, украдкой покосившись на закрытую дверь.

Проследив за моим жестом, он хмурится, но не двигается с места, откуда и правда не видно, что происходит в смежном кабинете. Одинцов всецело сосредоточен на дочери. Ни на секунду не выпускает ее из рук, хотя рядом пустует люлька, бережно прижимает ерзающий комочек к себе, придерживая головку в чепчике, и трепетно поглаживает пальцами по спинке. Алиска мурлычет невнятно, утыкаясь носом ему в плечо и оставляя слюнки на черном хлопке рубашки. Эта картина заставляет меня улыбнуться, забыть о неудобной ситуации и мигом простить Гордею все его слова.

– Прости, не заметил, – выдает он после тягучей паузы. – То есть пока я пытался реабилитироваться в твоих глазах, я сделал еще хуже? – стиснув губы, превращает их в прямую линию.

– Всего лишь дали лишний повод посплетничать о дочке Богданова, – вздыхаю, отталкиваясь от стены.

Протягиваю руки – и Одинцов без промедления возвращает мне Алиску. Теперь он мне доверяет, в отличие от нашей первой встречи в его подъезде.

– Тяжелое бремя известной врачебной фамилии? – уточ-

няет с толикой сарказма, наблюдая, как я раздеваю малышку перед взвешиванием.

– Да, особенно, когда кроме фамилии в тебе больше ничего не видят, – бросаю с легкой горечью, не смотря на него. Продолжаю возиться с маленькой пациенткой.

– Ты хороший доктор, Вика, никого не слушай, – звучит совсем близко.

Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с его серебристо-серыми, усталыми глазами. Погружаюсь в вязкую, опасную ртуть – и с трудом заставляю себя вынырнуть, пока не утонула.

– Недавно вы сами говорили иначе...

– Меня – тем более! Я бываю невыносимым, – неожиданно признается.

Замираю на миг, скомкав пальцами край детских ползунков. Если честно, я уважаю мужчин, которые спокойно говорят о своих недостатках, и в то же время... немного побаиваюсь. Ведь это признак силы и уверенности в себе, а с такими людьми обычно очень тяжело по жизни. Одинцов – яркий пример.

– Бываете? Я думала, это ваше обычное состояние, – не выдержав, аккуратно поддеваю его.

На секунду переглядываемся, обмениваемся сдержанными, почти зеркальными ухмылками – и, как по команде, одновременно переключаем внимание на Алису.

– Вес на нижней границе нормы, – негромко, задумчиво

сообщаю, гипнотизируя взглядом цифры. Не вижу, но чувствую, как напрягается и без того нервный отец. – Пока что ничего страшного, однако... Вы перешли на новую смесь? – говорю, продолжая осмотр и фиксируя показатели в памяти, чтобы перенести их потом в карточку. Без медсестры как без рук.

– Да, но ни черта не изменилось, – в сердцах ругается Одинцов, раздраженно растирая лоб. Атмосфера мгновенно накаляется.

– Будем подбирать. Как и обещала, я выпишу вам направление на анализы, с результатами – ко мне, – краем глаза замечаю, как он впивается руками в бортики столика, на который я укладываю ребенка. Импульсивно накрываю его кулак ладонью, но тут же отдергиваю ее, как будто получила удар электрошокером. – Не переживайте, Гордей.

– Нам повезло с тобой, – обезоруживает меня искренней фразой, которую вполне можно счесть за комплимент. По крайней мере, я реагирую на нее соответствующим образом.

– Хм, вы точно пошли на поправку, – неумело отшучиваюсь, зардевшись, как школьница от похвалы учителя. – Да, и еще... Я взяла на себя смелость подыскать вам няню. Поговорила с коллегами на пенсии, и двое согласились сидеть с малышкой. У каждой из них медицинское образование, опыт работы с детьми, в том числе с такими милыми крохами, – улыбаюсь и подмигиваю Алисе, а она рассматривает меня с интересом и необъяснимым теплом, словно все эти дни ску-

чала по мне. Так же, как и я по ней. – У вас будут врач и няня в одном флаконе. Дам контакты, созвонитесь и обсудите условия.

– Благодарю, – коротко буркнув, он пристально изучает меня, а в следующую секунду вдруг твердо чеканит: – Нам бы ты подошла.

Глава 5

Гордей

– Нам бы ты подошла, – выпаливаю абсолютно искренне, не прекращая наблюдать, как трепетно, но в тоже время профессионально Вика обращается с Алиской. Тонкие пальцы умело порхают по крохотному тельцу, ловко справляются с маленькой, словно кукольной, одеждой, нежные руки обхватывают и подтягивают к животику хрупкие ножки, которые я лишний раз тронуть боюсь своими лапами, чтобы не сломать.

Дочка успокаивается и затихает, как по волшебству. Мурлычет довольно, насаждаясь коротким массажем. Все, что происходит сейчас на моих глазах, для меня, матерого врача с опытом работы, сродни таинству. К младенцам нужен особый подход – и я никогда не умел его находить. Собственно, я и обзаводиться детьми так рано не хотел – это была идея Алисы, моей жены. Я ведь мог ее отговорить. Должен был...

Тогда она осталась бы со мной, но... ценой жизни нашей дочери.

На секунду прикрыв глаза, шумно вздыхаю. Прогоняю эти мысли.

Нельзя...

С прищуром смотрю на малышку, которая буквально сияет в бережных руках педиатра, растекается по столику от

Викиной улыбки, сама тянет к ней кулачки. Тихий женский смех приятным бархатом касается слуха.

Богданова идеальна. Она определенно подошла бы нам.

Особых надежд не питаю. Это, скорее, не предложение, а констатация факта. Разумеется, она откажется. Золотая девочка, дочь светила медицины, у которой впереди карьера и серьезные перспективы, не станет работать на неадекватного вдовца.

– Звучит, как будто вы меня нанимаете. Но я не няня и... даже не на пенсии, – шутливо отмахивается. Ее легкость в общении рассеивает негатив, которым я наполнен под завязку. Вопреки всему, я невольно расслабляюсь. – У меня уже есть работа, Гордей, и я очень ее люблю. Рада помочь вам в рамках своих обязанностей, – заканчивает серьезно и строго.

– Понял, – сухо соглашаюсь, но уголки губ упрямо ползут вверх.

В это же мгновение Алиска дарит свою первую осознанную улыбку. Не мне, а Вике... На меня дочка все время только орет. Днем и ночью. Без устали. Она тонко чувствует мое настроение и отвечает мне тем же, как зеркало. С Богдановой все иначе – они обмениваются друг с другом светом и теплом, а я неосознанно греюсь от их огня, раз уж собственный потух.

Чертова дверь между кабинетами распахивается без стука, и к нам нагло вваливается та самая сотрудница, длинно-го языка которой опасалась Вика. С виду обычная женщина

лет за тридцать, ничего особенного, но у меня она заочно вызывает отторжение. Наверное, из-за реакции Богдановой. Мне правда не хотелось бы, чтобы у нее были проблемы на работе из-за меня.

– Виктория Егоровна, рабочее время закончилось, – щебечет коллега противным заискивающим тоном. – Вы скоро? Подождать?

– Нет, Мария Яковлевна, я сегодня на такси, – сдержанно цедит Вика сквозь зубы, и только я чувствую ее напряжение. Сплетнице плевать, она беззастенчиво разглядывает нас, будто хотела застать за чем-то постыдными и ищет улики. – Машина в автосервисе...

– Что-то случилось? – мгновенно переключаюсь на Викторию. Вспоминаю, что она за рулем и начинаю переживать. – Авария?

– Да вы оптимист, Гордей Витальевич, – не может сдержаться сарказма, но, покосившись на коллегу, прячет добрую улыбку. – Нет, электроника барахлит, а я в ней ничего не смыслю. Подайте комбинезон, я помогу вам одеть Алиску, – выставляет правую руку, а левой – придерживает малышку, которая внезапно начинает капризничать. Видимо, ей тоже чужая тетка не по душе.

Вика оперативно укутывает дочку, удивляя меня такой сноровкой, укладывает ее в автолюльку и невесомо проводит пальцами по щечке на прощание.

– Мы могли бы вас подвезти, – неожиданно предлагаю,

перехватывая ручку люльки. – Алиска хорошо спит в дороге, успеем до кормления.

– Нет, это лишнее, – сопротивляется Богданова. Ожидаемо. С каждой встречей я все сильнее проникаюсь к ней уважением. Цельная натура, с характером и принципами, хоть и молодая.

– А я бы не отказалась, – нахально вклинивается в разговор Мария, которую я бы вообще не хотел видеть в своей машине. Терпеть не могу навязчивых баб, такие медички из моей частной клиники быстрее пули вылетают. – На улице дождь собирается, – оправдывается, теряясь под грозным взглядом Вики, и неуверенно указывает большим пальцем за свою спину, на окно, за которым ни единой тучи.

Алиска ворочается в своем объемном комбинезоне, морщится и начинает предупреждающе попискивать. Делаю шаг к выходу и толкаю дверь, чтобы впустить свежий воздух в душноватое помещение. Еще хоть минута промедления – и дочка запарится в теплой одежде, тогда скандала не избежать. Нервничаю вместе с ней, будто мы связаны невидимыми нитями.

– Виктория Егоровна, собирайтесь скорее, мы ждем вас в машине, – кидаю безапелляционно, в приказном тоне, и выношу люльку в коридор. Отпускаю дверь, что с грохотом захлопывается за моей спиной, наверняка вызвав праведный гнев нашего педиатра.

Минут через десять я сижу за рулем комфортного хэтчбе-

ка при заведенном двигателе. Взгляд мечется то на часы, то на двери поликлиники. Я сам весь на взводе. Алиска кряхтит в автолюльке за водительским креслом, недовольно причмокивает и изредка мяукает. Она впитывает, как губка, мою нервозность – и переживает вместе со мной. Включаю музыку, чтобы отвлечь ее немного, и параллельно пытаюсь успокоиться.

Вбираю носом воздух, наполняя легкие под завязку.

– Потерпи, Лисуля,ждемся твоего педиатра, – медленно выдыхаю, гипнотизируя взглядом крыльцо здания.

Дочка словно понимает меня – и затихает. Оборачиваюсь, чтобы поправить на ней ремешки безопасности, а когда возвращаюсь в исходное положение – вижу, как по ступенькам спускается Вика. Один уголок моих губ непроизвольно дергается вверх, будто вышел из-под контроля, и пытается изобразить на лице некое подобие ухмылки. Наверное, я в этот момент больше похож на парализованного, чем на улыбающегося человека.

Я так отвык от положительных эмоций, но девушка-доктор каждым своим появлением будит их во мне, прорезает мой мрак мягким светом. Даже несмотря на хмурый, строгий прищур, с которым она встречает меня, когда я выхожу из автомобиля.

– Вам не стоило ждать меня. Вы утомляете ребенка и нарушаете его режим, – сурово отчитывает, покосившись на заднее сиденье машины и проверив Алиску. Рабочий день

закончился, а она не попрощалась с образом врача, потому что медицина у нее в крови. Халат незримо врос в кожу – это у Богдановых семейное. Я такой же, поэтому хорошо ее понимаю.

– Тогда поторопитесь, – парирую, открывая переднюю пассажирскую дверь, и легким кивком приглашаю Вику сесть в машину.

– Как замечательно, что вы нас подождали, – доносится неприятный голос ее коллеги, чуть ли не скатывающейся по лестнице следом.

Расправив плечи и вытащив из себя нечто, похожее на леди, Мария более сдержанно и грациозно идет к нам, цоккая каблуками по асфальту. Однако наглое выражение лица выдает ее истинную сущность. Я слишком долго работал с людьми, чтобы научиться видеть их насквозь. И то, что представляет из себя Мария, заставляет меня передернуть плечами. Благо, она не наш педиатр – ее бы точно пришлось сменить.

– Виктория Егоровна, вы с коллегой лучше нас не задерживайте, – бросаю с налетом претензии, которую она мгновенно улавливает.

Шире открываю дверь, нетерпеливо постукивая пальцами по металлическому корпусу. Алиска издает резкий вскрик, подгоняя нас. У нее по графику тихий час, но без укачивания она не может уснуть, поэтому ждет, когда машина тронется с места и поедет.

– Можно я сяду с вашей дочкой? Заодно присмотрю за ней по пути, – просит Вика, с тревогой поглядывая на копошащуюся в автолюльке малышку.

– Нужно, – хрипло соглашаюсь, ощущая, как дыра внутри меня, где должно быть сердце, наполняется теплом.

Непривычно наблюдать, что чужая девушка относится к Алиске лучше и внимательнее, чем ее родные бабушка и дед. Тот случай, когда кровная связь не играет роли. На первый план выходит элементарная человечность, которая присуща не каждому, как бы парадоксально это ни звучало.

Богданова устраивается на заднем сиденье – и сразу же наклоняется к Лисуле, которая узнает ее и радостно встречает, дергая ручками и ножками. Пока я отвлекаюсь на их тандем, кресло возле водительского нахально занимает Мария. Плюхнувшись в него, наивно взмахивает ресницами и стреляет глазками в мою сторону. Ведет себя не по возрасту и не по статусу, что меня неимоверно раздражает. В моей клинике разговор с таким экземпляром был бы коротким и... матом, но в присутствии Вики и ребенка я держусь.

– Адрес? – скрипнув зубами, раздраженно выплевываю.

Богданова собирается назвать свой, но я ее аккуратно перебиваю.

– Твой я знаю. К родителям? – коротко уточняю, и она смущенно кивает, возвращая все свое внимание к Алиске. – Сначала Марию подбросим, – чеканю твердо, трогаясь с места.

«Чтобы скорее избавиться», – мысленно добавляю.

Всю дорогу пассажирка рядом со мной тархтит без умолку. Первое время Вика ее осекает, а потом полностью переключается на мою дочку. Изредка подсматриваю за ними через зеркало заднего вида – и слабая улыбка не сходит с моего лица. Их общение, как матери с дочкой, успокаивает меня и помогает не сорваться на хамоватую докторшу рядом. Однако терпение мое на исходе.

– В следующий раз надо иметь при себе табличку, как в общественном транспорте, – цежу жестко, припарковавшись возле подъезда. – Знаете, на которой большими красными буквами написано: «Водителя не отвлекать!» С вами радио не надо, Мария, оно просто не выдержит конкуренции, – насмешливо и злобно поддеваю ее. Дико устал от болтовни, голова раскалывается.

– Не понимаю, о чем вы, – обиженно поджимает губы, зато наконец-то сбрасывает с себя игривость и кокетство, от которых меня тошнит. Догадывается, что это ей не поможет. – Я не езжу на автобусах, – гордо вскинув подбородок, выходит из машины.

Вздыхаю с облегчением, ловлю на себе сочувственный, но уважительный взгляд Вики. Стоит мне развернуться к ней, как она тут же прячет глаза.

– Уснула? – спрашиваю очевидное, указывая на сопящую в люльке Алиску.

Богданова кивает, с доброй улыбкой изучая малышку,

невесомо касается ее ручки, слегка поправляя. Подносит указательный палец к своим губам, приказывая мне сохранять тишину, а потом жестом просит ехать дальше. Она права – без убаюкивающего шума двигателя дочка может проснуться.

– Спасибо тебе, – произношу одними губами, но Вика все считывает. Оставляет без ответа.

Глава 6

Есть люди, с которыми даже молчать приятно. Вика именно такая. Не обронив ни слова, она умудряется создать уютную атмосферу в салоне автомобиля одним лишь своим присутствием. Ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время боль немного притупляется. Рана затягивается шелковыми нитками. Еще много швов придется наложить, но первый сделан.

Странные ощущения. Неправильные. Но я так устал от горя, что даю себе короткую передышку.

– Виктория, мы... – припарковавшись на площадке возле дома Богдановых, я оборачиваюсь и резко осекаюсь на половине фразы.

Улыбаюсь искренне и несдержанно, пользуясь тем, что на меня никто не смотрит. Скулы болят с непривычки, но я не обращаю внимания, растягивая губы все шире. Ничего не могу с собой поделать, когда вижу милую картину на заднем сиденье автомобиля.

Нашего доктора тоже укачало и сморило по дороге. Устроившись полубоком и прижавшись щекой к подголовнику, она мирно спит. При этом ее ладонь покоится на животике Алиски. Даже во сне Вика заботится о ребенке.

Позволяю себе пару секунд полюбоваться ими, проникнуться семейной атмосферой, хотя бы ненадолго прогнать

мрак, который преследует меня, отравляя жизнь.

Очнувшись, ослабляю ворот траурной черной рубашки, расстегиваю пару пуговиц. Возвращаюсь в свою реальность, где нет больше места сентиментальности и добру. Остались лишь мрак и холод, в которых мне предстоит вариться одному. Незачем втягивать юную Богданову в это болото.

Хорошо, что Вика отказалась быть нашей няней. Пожалуй, сегодня же позвоню одной из тех пенсионерок, которых она мне порекомендовала.

Выдохнув, уверенно бросаю водительское кресло, обхожу капот – и приближаюсь к задней пассажирской дверце. Распахиваю ее, сразу же ныряю в салон... Вновь застываю, нависая над спящей девушкой.

В нос ударяет шлейф запахов, среди которых легко выделяю ее личный, который не спутать ни с чем. Тонкий, свежий аромат первых весенних цветов, как символ жизни и обновления. Он въелся мне в ноздри еще с той ночи, когда ей пришлось остаться у меня в квартире. Сохранился на постельном белье, полотенцах, моей футболке и даже вещах Алиски. Преследует меня до сих пор. Теперь и в машине поселится, так что никаким ароматизатором не перебить.

– Вика, приехали, – зову сорвавшимся шепотом.

Не реагирует, и тогда я подаюсь ближе. Касаюсь кончиками пальцев скулы, подцепляю непослушную прядь каштановых волос, которая упала на умиротворенное лицо, аккуратно убираю ее за ухо. Развернув ладонь, невесомо провожу

костьшками по румяной, бархатной щеке.

Крепко стискиваю кулак. До боли и хруста суставов. Разжимаю.

Беру Богданову за плечо – и слегка встряхиваю. Немного небрежно, грубовато.

– Виктория Егоровна, – зову негромко, но строго, как обычно отдаю приказы медсестрам. – Доброе утро.

– М? Что? – вздрагивают и поворачивается ко мне.

Оказываемся лицом к лицу, встречаемся взглядами. Ее – сонный и растерянный, а мой...

– Приехали, – небрежно бросаю и, спрятав глаза, отстраняюсь.

Выпрямившись по струнке, будто кол проглотил, я подаю руку, чтобы помочь Вике выйти из машины. Но она не торопится. Опять испытывает меня своим трепетным отношением к дочке. Заботливо поправляет сбившуюся набок шапочку, приглаживает одежду и, кажется, собирается поцеловать ее на прощание. Если сделает это, я точно не выдержу – захлопну дверь, заблокирую замки и увезу Богданову домой. Не выпущу из квартиры – пусть дарит Алиске материнскую ласку, на которую я не способен. Очерствел и сдох. Даже для родного ребенка ничего светлого не осталось.

Благо, Вика вовремя останавливается. Проверив температуру тыльной стороной ладони, удовлетворенно кивает сама себе и покидает салон. На миг прохладная женская рука оказывается в моей, но суровый доктор тут же отдергивает ее.

– До свидания, Гордей Витальевич, – обращается деловито, выстраивая невидимую стену между нами, и я благодарен ей за это. Сам бы не смог – совсем расклеился.

– Всего доброго, Виктория Егоровна, – прощаюсь сухо и коротко.

У кованых ворот ее встречает старший Богданов, обнимает одной рукой, держа во второй садовый инвентарь, по-отечески целует в щеку. Сразу же обращает внимание на меня. Отпустив дочку, пожимает мне ладонь.

– Одинцов, рад тебя видеть, – искренне произносит, но следом хмурится. – Ты как?

– Нормально, – бесстрастно кидаю в ответ, не вдаваясь в детали.

О моей трагедии знают многие коллеги, ведь сразу после нее я исчез из медицины, бросил частную клинику, чего раньше никогда не случалось. Кардиология – моя жизнь, но пока что... не могу.

– Гордей Витальевич, не мучайте дочку в душном салоне, – укоризненно отчитывает меня Вика перед тем, как зайти в дом. – К тому же, у нее кормление скоро.

– И вам хорошего вечера, Виктория Егоровна. Разве я могу послушаться ваших рекомендаций? – ухмыляюсь, провожая ее взглядом. – Не беспокойтесь, уже едем.

Киваю Егору Натановичу, собираюсь на выход, но он задерживает меня, хватая за рукав.

– Гордей, просьба у меня есть одна, – покосившись на Ви-

ку, ждет, пока она скроется из вида. — Я понимаю, что тебе не до медицины сейчас, но вдруг ты планируешь вернуться...

— Не вопрос. Если нужна моя помощь, выйду на работу. На днях няню для Алиски подберу — и смогу вам уделить время, — окидываю его профессиональным взглядом. — Что-то беспокоит?

— Не меня... — неожиданно заявляет, озираясь, будто боится быть застигнутым на месте преступления. — Прошу осмотреть Вику.

— Анамнез? — выдаю безэмоционально, но сам себя не слышу из-за нарастающего гула за ребрами.

Проклятые воспоминания. Накатывают не вовремя. Я не практиковал после смерти жены, но не только потому что мне было не до этого... Психологический барьер. И я бы преодолел его, чтобы помочь самому Богданову. Однако при упоминании Вики что-то идет не так. Ломается с треском, выпуская демонов недавнего прошлого.

— Врожденный порок сердца, — спокойно сообщает Егор, но каждое слово набатом отзывается в мозгу и сердце. Сглотнув, молча киваю. — Все необходимые манипуляции были проведены еще в детстве. Вика росла практически здоровым ребенком, но ей надо регулярно проходить обследование для профилактики. Очередное должно быть на днях. Все врачи в один голос твердят, что все в порядке, но я переживаю, как отец, сам понимаешь, — жестом указывает на автомобиль, в салоне которого спит моя дочь. — Тем более ты професси-

онал и видишь то, что другие могут упустить. В последнее время Вика стала больше нервничать в связи с новой работой, плохо спит, бродит по ночам, в общем, беспокоит меня. И если бы ты согласился...

– Да, я приму ее в начале следующей недели, – с трудом выбиваю эту фразу из груди, хотя следовало бы отказаться.

Буркнув что-то невнятное на прощание, я возвращаюсь к машине. Врезаюсь пальцами в руль и некоторое время неподвижно сижу, уставившись перед собой и тяжело переводя дыхание. Понимаю, что дико волнуюсь за нее. Главная ошибка врача – принимать пациента близко к сердцу.

– Ох, Виктория... За что ты на мою голову?

Глава 7

Виктория

Реактивной пулей влетаю в клинику, забыв захлопнуть за собой дверь. Игнорируя неудобные туфли, мчусь на каблучках как в домашних тапочках. Ни на секунду не отрываю взгляд от циферблата часов, будто таким образом смогу замедлить время.

Как назло, по дороге сюда застряла в километровой пробке, на въезде обменялась парой ласковых с брутальным хамом на люксовом, заляпанном грязью джипе, который сам же и подрезал меня на перекрестке, но то ли хотел унижить бабу за рулем, то ли познакомиться. Напоследок еще и сделала круг по парковке в поисках свободного места.

Закономерный итог – я неприлично опаздываю на прием, о котором договорился мой отец.

Не вижу смысла в том, чтобы чуть ли не каждый год просвечивать мое бедное сердце. Я в норме, черт возьми! Дома меня ждет целая коллекция положительных заключений разных врачей. Однако ради папиного спокойствия послушно шагаю по больничному коридору.

– Вы к кому? – порывается остановить меня медсестра в приемной, однако я пролетаю мимо быстрее, чем она успевает встать и сориентироваться.

– Кардиолог... Мне назначено... – отрывисто бросаю, не

оборачиваясь.

Взглядом нахожу нужный кабинет, коротко стучусь – и тут же толкаю дверь, без спроса переступая порог. Внутри никого, рабочий стол врача пустует, в помещении царит тишина.

– Здравствуйте? – неуверенно произношу, и мой вопрос-приветствие эхом отбивается от стен и взмывается к потолку.

Ответа нет...

Меня не дождались? Проклятье!

Не теряя надежды, все-таки делаю несколько шагов к столу, отмечая идеальный порядок, словно за ним долго никто не сидел. Странно...

Краем глаза ловлю тень за ширмой – и выдыхаю с облегчением.

– Прошу прощения за опоздание, но очень надеюсь, что вы меня примете, – произношу громче и четче, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Поздно понимаю, что забыла уточнить у отца имя кардиолога.

– Ты же не выгнала меня с дочерью, так что я обязан ответить тебе тем же, – звучит насмешливо знакомый голос, и я врастаю в пол. – Тем более, если честно, я сам минут пять назад приехал. Няня, которую ты посоветовала, ответственная и пунктуальная, но даже она не застраховала от форс-мажора. Сменила меня чуть позже, чем я просил...

Одинцов невозмутимо появляется из-за ширмы, на ходу застегивая пуговицы на манжетах. В свежем, белоснежном

медицинском халате, накинутом поверх чистой, выглаженной рубашки он выглядит совершенно другим человеком. Не убитым горем вдовцом, потерявшим веру, а бодрым мужчиной и, главное... живым. Словно клиника напитывает его энергией, которую высосала трагедия.

Беззастенчиво рассматриваю Гордея, пока он неторопливо приближается к рабочему месту и, постучав пальцами по поверхности стола, вальяжно устраивается в кожаном кресле. Сжимает подлокотники руками, будто вспоминает, каково это – быть в шкуре медика. Улавливаю едва заметную ухмылку на строгом лице. Он скучал по своей профессии.

– Гордей... – растерянно взмахиваю ресницами и часто моргаю, отгоняя наваждение. Но он не исчезает. Жестом приглашает меня сесть напротив, и я подчиняюсь. – Витальевич, – поспешно добавляю, но не успеваю скрыть теплую улыбку. Рада ему, как старому знакомому. – Не ожидала увидеть вас на посту. Вы же в декретном отпуске и не принимаете пациентов. Или я ошибаюсь?

Усмехнувшись, закидываю ногу на ногу и складываю ладони на колене. Продолжаю изучать обновленного Гордея – и с каждой секундой он все больше мне нравится.

Может, ему не мешало бы вернуться к медицинской практике? Отвлечься, посвятить себя людям... Все лучше, чем ковыряться в собственных ранах и медленно умирать.

– Все верно, – подается вперед, сцепив кисти в замок. Мы становимся чуть ближе. – Я пока не работаю. Но тебя решил

принять лично. Это разовая акция, – заканчивает с хрипотцой.

– Папа попросил, ведь так? – мгновенно догадываюсь, закатывая глаза и тихо посмеиваясь.

– Не буду лукавить и выкручиваться, – на выдохе выдает Одинцов. Скупая улыбка трогает его сжатые, напряженные губы. – Егор Натанович переживает за тебя.

– О-о, я в курсе, – обреченно тяну. – Надеюсь, хоть вы сможете его убедить, что в ближайшее время я умирать не планирую...

– Не говори так, – жестко перебивает меня, мгновенно помираю. – Даже в шутку, – хмуро смотрит на меня исподлобья.

На миг потеряв дар речи от пронизывающего взора платиновых глаз, я лишь могу качнуть головой. Чувствую, как учащается дыхание, смахиваю испарину с виска, провожу пальцами по вырезу блузки.

– Душно, – импульсивно жалуясь.

– Ты чего так запыхалась? – молниеносно меняет тон и настроение. Согревает душу неожиданной заботой. – Вроде бы, про ЭКГ с нагрузкой речи не было, – иронично хмыкает, хотя вид у него серьезный и взволнованный.

Одинцов протягивает руку к моему запястью и, сдвинув серебряные часы, нащупывает большим пальцем пульс. Мысленно считает частоту ударов, поглядывая на секундную стрелку.

– Спешила, – чуть слышно признаюсь, когда он убирает ладонь.

Пройдясь взглядом по гравировке на часах «Любимой доченьке», по-доброму ухмыляется, но тут же прячется в панцирь. Резко подскакивает с места, открывает окно, впуская в кабинет свежий воздух, который я жадно глотаю. Подавившись кислородом, надрывно кашляю. Да что со мной сегодня? Покосившись на меня, Одинцов наливает мне немного воды из кулера – и ставит на стол бумажный стаканчик.

– Посиди немного, отдышись, – приказывает, откидываясь на спинку кресла.

Стараясь не смотреть на него, прячу смущенную улыбку в стакане. Потихоньку цежу воду, привожу мысли в порядок, выравниваю дыхание. Мое взбесившееся сердце постепенно успокаивается, пульс замедляется, жар отливает от щек. Все это время Гордей молча наблюдает за мной, будто собирает анамнез.

Еще минута – и я сама поверю, что безнадежно больна. Поэтому выпрямляюсь, вскидываю подбородок, всем своим видом показывая, что я готова к началу осмотра.

Пытаюсь абстрагироваться.

Он всего лишь врач, а я его пациентка.

Но что-то ломается в этой цепочке... Попадается бракованное звено, вызывая у меня острую внутреннюю реакцию на вполне уместную и адекватную ситуации команду:

– Так, хорошо. Иди за ширму и раздевайся по пояс.

– Будете снимать кардиограмму? Сейчас? – в панике, внезапно затмившей разум, штурмую Одинцова глупыми вопросами. – Лично?

Прикусываю язык, но поздно. Гордей расслышал каждое слово, тонко уловив мое волнение. Он удивленно выгибает бровь, отрываясь от медицинской карты, которую я в тумане положила на стол перед ним, и исподлобья изучает меня.

– Да, разумеется, сразу и расшифрую, – спокойно отвечает, равнодушно пройдясь по мне холодным взглядом. – Какие-то проблемы? – хмурится с тенью недовольства. – Ты не доверяешь мне?

– Нет, все в порядке, – совладав с собой, опираюсь ладонями о край стола и поспешно поднимаюсь. – Я... скоро, – добавляю осипшим голосом и прячу лицо, покрывшееся предательским румянцем.

От ширмы меня отделяют буквально несколько шагов, но этот путь представляется мне бесконечным. Неловко одергиваю приталенный пиджак, сжимаю пальцами единственную пуговицу, которая держит его на поясе. Вместо того чтобы расстегнуть, я хватаюсь за нее, как за спасательный круг.

Нельзя же так, Вика! Что за неадекватная реакция на доктора?

Это не первый кардиолог в моей жизни, но почему-то именно в нем я вижу, прежде всего, мужчину. Смущаюсь, как девчонка.

– Виктория, в кабинете врача нет места стеснению, – уко-

ризненно доносится мне вслед, и я чуть не налетаю на перекладину, чудом успеваю схватиться за нее рукой, избежав позорного падения. Ширма отзывается легкой вибрацией, а Одинцов продолжает вещать морозным тоном: – Мы существа бесполое. Тебе ли не знать, сама медик.

– Я с детьми работаю, – пробубнив себе под нос, скрываюсь от цепкого взгляда, что буравит мою спину.

Процедуру я знаю в совершенстве, так что без проблем выполняю привычные действия, отточенные до автоматизма. Скидываю пиджак, избавляюсь от блузки и бюстгалтера. Аккуратно складываю вещи на небольшой пуфик. Сверху оставляю все украшения. Подкатываю узкие костюмные брюки...

Выпрямившись, застываю. Не решаюсь появиться перед Гордеем в таком виде. Ему плевать, а мне... нет.

– Соберись же, Вика! – сдавленно приказываю себе, а ватные ноги не слушаются.

В кабинете сохранена комфортная температура, но моя кожа все равно покрывается мурашками, когда Одинцов сам заходит за ширму. Стою недвижимо, как статуя, и даже не дышу, пока он уверенно шагает ко мне. Останавливается напротив. Лицо каменное, без намека на эмоции, движения механические, голос стальной и твердый. Не только потому что Гордей профессионал, это само собой разумеется, – он еще и меня не воспринимает как женщину. Я тоже не должна ничего к нему испытывать, но... Какого черта!

– Аускультация сердца, – коротко предупреждает, хотя я и сама в курсе.

Сгребает в охапку мой густой, тяжелый хвост и перекидывает волосы с плеча за спину, полностью обнажая меня сперебри. Прижимает теплые пальцы к шее, нащупав артерию, а свободной рукой стискивает головку стетоскопа, предварительно согретья ее, будто собирается слушать испуганного ребенка. Прикладывает к моей груди, находя нужную точку, и я неосознанно вздрагиваю.

– Дыши спокойнее, – просит мягче.

Прикрываю глаза, чтобы не видеть кардиолога. Обещаю себе, что это первый и последний прием у Одинцова. Ноги моей больше не будет в его клинике! От этой мысли становится немного легче.

– Теперь на кушетку, – хриловато шелестит над самым ухом, – я тебя подключу.

Жар мужских рук покидает мое напряженное тело. Поднимаю ресницы – и вижу лишь его спину, стремительно отдаляющуюся от меня. Полы халата развеваются, как плащ супергероя, когда Гордей вылетает из-за ширмы, оставляя меня одну.

Глубоко дышу, восстанавливая ритм, и не спеша плетусь за ним. Прохожу мимо, в то время как он, склонившись за столом, что-то лихорадочно записывает размашистым почерком. В мою сторону не смотрит, избавляя меня от неуместного стыда.

Устраиваюсь удобнее на кушетке, слепо уставившись в потолок. Терпеливо жду, пока Одинцов прицепит ко мне все необходимые электроды. Стараюсь не придавать значения моментам, когда его пальцы соскальзывают и касаются моей обнаженной груди.

Глупости. Веду себя как дура. В конце концов, спасибо, что он не гинеколог.

Молчу и не шевелюсь, как и положено при проведении анализа. Кардиограф жужжит, рисуя кривую моего сердца, которое неправильно стучит в присутствии Гордея.

– Одевайся, – бросает он небрежно, сосредоточившись на диаграммной ленте. Оторвав ее, внимательно читает результаты.

Киваю, устремляю взгляд в пол и, прикрыв грудь руками, спешу за спасительную ширму. Впопыхах натягиваю на себя блузку. Пальцы не слушаются и дрожат, пока я борюсь с пуговицами. Привожу себя в порядок и возвращаюсь, как можно невозмутимее присаживаясь в кресло. Откинувшись на спинку, скрещиваю ноги.

Ожидаю приговор.

– В целом, у тебя действительно все нормально, – резюмирует Одинцов, не прекращая делать пометки в моей карте. Сегодня своеобразная коллекция пополнится еще и его автографом. – Имеет место аритмия, но это можно списать на твою нервозность. Я выпишу тебе препараты магния, а также... – проглатывает названия лекарств, но зато тщательно-

но все записывает. Запинается на секунду, чтобы с беспокойством уточнить: – Ты ведь еще и спишь плохо?

– Как скажете, – перебиваю его, проигнорировав последний вопрос. – Я согласна.

На все согласна! Лишь бы скорее покинуть кабинет, в котором стены будто сдвигаются и давят меня. Раздраженно ерзаю в кресле, и мое поведение не укрывается от чуткого взора кардиолога.

– Виктория, есть определенные моменты, из-за которых я бы рекомендовал тебе дополнительно пройти УЗИ сердца, – осторожно и задумчиво произносит, листая мою историю.

– Не сегодня, – подрываюсь на ноги. – Я тороплюсь на работу.

– Давай подвезу? Все равно я домой, – встает следом за мной.

– Не беспокойтесь, я вернулась за руль, – останавливаю его жестом ладони. – А вам, Гордей Витальевич, не мешало бы вернуться к практике. Так вы и сноровку не растеряете, и отвлечетесь от домашней рутины, и людям поможете, которые в вас нуждаются. Хотя бы несколько часов в неделю посвятите медицине... – аккуратно уговариваю, хотя это меня совершенно не касается. – Думаю, нянька без труда перекроет вас дома.

– Хм, я подумаю, – тянет, потирая бритый подбородок. В очередной раз отмечаю, какой Одинцов ухоженный и свежий сегодня.

– Как Алиска? – спрашиваю добрым шепотом.

– Лучше, – Гордей мгновенно расплывается в улыбке, которая ему невероятно идет. – С каждым днем все больше смеси остается в ее желудочке, а не на моих футболках. Принимаем и делаем все, что ты прописала. Мы послушные пациенты, в отличие от тебя, – прищуривается с укором.

На мгновение теряюсь, но не могу найти себе оправдания. Не признаюсь же я, что отказываюсь от УЗИ сердца лишь потому, что испытываю странные эмоции рядом с врачом.

Затянувшуюся, некомфортную паузу разрывает сигнал моего телефона. Беру трубку, отворачиваясь от Гордея и двигаясь к выходу.

– Виктория Егоровна, почему вы не на рабочем месте? – звучит в динамике суровый голос главного врача. – К вам тут очередь, мамыши ждут...

– Я ведь отпрашивалась и отменила все записи на утро, – удивленно свожу брови, поглядывая на часы. – Разве Мария вам не передала?

– Она мне ни слова не сказала, – припечатывает меня горькой правдой.

Глупо было надеяться на завистливую, хитрую коллегу. Маша подставила меня. Случайно или намеренно – уже не важно.

– Извините, скоро буду...

– До меня дошли слухи, что вы связались с отцом одной из своих пациенток. Крутите отношения прямо на рабочем

месте. Это неприемлемо, – заслуженный педиатр, ровесник моего папы, он отчитывает меня, как нерадивую школьницу. – Не думаю, что Егор Натанович одобрил бы такой подход дочери к медицине.

– Это ложь, – сипло выдыхаю, покосившись на мрачного Гордея.

– Когда приедете, будьте добры, зайдите ко мне в кабинет, – чеканит главный, сразу же обрывая звонок. Он зол и разочарован.

– Безусловно, – отвечаю в пустоту.

Растерянно моргаю, ощущая, как влага собирается на ресницах. Обидно и мерзко до невозможности. Глаза и нос горят огнем, словно в них битого стекла сыпанули, лицо охватывает жаром, а за ребрами стягивается морской узел.

– Проблемы? – участливо интересуется их главный источник, приближаясь ко мне со спины. С заботой обхватывает мои плечи широкими ладонями. Слегка массирует, впиваясь сильными пальцами.

Хочется развернуться и зарыться в его объятия, пожаловаться на коллег, побыть маленькой и беззащитной, как с папой, но я вовремя даю себе воображаемую пощечину. Это лишь подтвердит брошенное мне обвинение.

– Ничего такого, что нельзя решить, – абстрактно говорю и, сбросив с себя крепкие мужские руки, открываю дверь. – До свидания, Гордей Витальевич, жду вас с Алисой на прививку по графику, – сухо выдаю, подводя финальную черту.

Никаких больше посещений на дому, тем более, с ночевкой. Минимум встреч и только деловое общение. В противном случае... Не знаю, чего опасаясь больше: кривотолков в поликлинике или... саму себя, способную сорваться и подтвердить их.

Глава 8

Несколько месяцев спустя

Гордей

Бросаю беглый взгляд на серебристый циферблат, хотя пора уже ориентироваться на наши с дочкой биологические часы – в последнее время они не обманывают. Как и предрекала Вика, я смог выработать в себе базовые инстинкты. Маму я Алиске, конечно, никогда не заменю, но хотя бы вышел из образа безнадёжного, вечно заспанного бомжа в грязной футболке, а с каждым днем все больше похож на нормально-го отца. Мой ребенок сыт, чист и в меру спокоен. Надеюсь, счастлив... Долбанные колики мы переросли, вес набираем, развиваемся согласно возрасту.

Единственное... дико не хватает нашего педиатра. Ее улыбки, нежного голоса, душевного тепла. Мне кажется, Алиса скучает. Внимательная, строгая няня-пенсионерка Тамара Павловна хорошо справляется со своими обязанностями, но не более того. Нет в ее действиях чего-то... настоящего. Да и мне с ней разговаривать особо не о чем, в то время как с Викой мы находили точки соприкосновения.

Нет, Богданова не отказалась вести нас, но после того, как побывала у меня на приеме, резко закрылась и отдалилась. Ограничила любые встречи в нерабочее время, консультировала по телефону или приглашала в поликлинику. Была

холодна, вежлива и сдержанна, будто я ее чем-то обидел на осмотре. Я решил лишний раз не тревожить нашего доктора, а всякие мелочи уточнять у Тамары Павловны. В конце концов, у меня своя семья, к которой юная Богданова не имеет отношения.

В домашних хлопотах время летит стремительно, однако я все равно то и дело вспоминаю Вику. И нашу последнюю нормальную встречу в моей клинике. Пытаясь найти причину ее изменившегося поведения, я лихорадочно прокручиваю в голове тот роковой прием.

Он тяжело дался нам обоим. Богданова смущалась, а я... неправильно реагировал на нее. Не как на пациентку, а как на близкого человека, о котором хочется позаботиться. Во врачебной практике нет места жалости и эмоциям. Ничего личного – только знания, механика и холодный расчет. Я же рядом с ней превратился в оголенный, дергающийся нерв.

Видимо, потерял сноровку, пока был в отпуске. Медицина – это все, что у меня осталось, кроме ребенка. Взвесив все за и против, я решил прислушаться к Викиному совету – и взять несколько дежурств. Успешно вливаюсь в работу, принимаю больных, но... переживать за одну стеснительную пациентку с пороком сердца все еще не перестал. Она ведь так и не пришла на УЗИ...

– Лисуля, пора есть, – тяну ласково. – Сегодня в нашем пятизвездочном детском санатории на завтрак отборная смесь, а потом водные процедуры и релаксирующий массаж, – про-

изношу шутиливо.

Склоняюсь над детской кроваткой, протягиваю руки к дочке, а она довольно улыбается мне и цепко хватает за палец. Сжимает крепко, подтягивается.

– О-о, я вижу, ты уже бегать и скакать хочешь? – смеюсь, поднимая ее на руки. – Подожди, успеешь. Сначала твоему телу надо окрепнуть, а пока что я побуду для тебя транспортом и по совместительству обзорной площадкой.

По-доброму разговаривая с ней, медленно подхожу к окну. Алиска внимательно слушает, будто понимает каждое слово, вертит головкой, рассматривая голые ветки деревьев за стеклом. Погода на улице на удивление сносная. Ветра нет, а временами слабые лучи солнца пробиваются сквозь серые, рваные облака.

Малышка неожиданно делает выпад вперед, заставляя меня покрыться холодным потом, и впирается пальчиками в тюль. Дергает неистово, прилагая все накопившиеся за ночь силы. С трудом разжимаю ее кулачок, целую, а потом сам раздвигаю шторы как можно шире, чтобы впустить больше света в комнату и открыть дочке вид на двор нашего жилого комплекса.

Вдвоем смотрим вниз, изучая людей, которые с высоты нашего этажа кажутся игрушечными. На площадке гуляют дети... с мамами. А мы с Алиской предоставлены лишь друг другу. Два беспризорника.

– Папка сегодня весь твой, – выдыхаю, касаясь губами ее

шелковистой макушки, пахнувшей молоком и детским шампунем. – Перекроим немного график и пойдем погуляем. Согласна?

– У-у-г-у, – лепечет она в ответ, словно соглашается.

Смышленная мелкая. Няня твердит, что на меня похожа. Жаль... Хотелось бы, чтобы на мать – тогда хоть какая-то частичка Алисы осталась бы со мной. Уменьшенная копия. Но нет... С другой стороны, было бы в стократ больше, если бы каждый день дочка напоминала мне о жене. До конца дней...

Я должен ее отпустить, иначе свихнусь... Я нужен нашему ребенку.

Жизнь продолжается. Будто вырвали кусок из груди, а ты на автопилоте бредешь дальше. Потому что есть такое слово «надо».

– А-а-а! – предупреждающе покрикивает мне на ухо Ли-суля, напоминая об обещанном завтраке.

Не спуская ее с рук, плетусь на кухню и готовлю смесь. Встряхиваю бутылочку, проверяю температуру – и лишь потом сую соску малышке в рот. Она хватает жадно, пьет активно и обнимает ручками донышко, чтобы я не забрал.

– Ну, тише. Никто на твоё молоко не покушается. Я такое не ем, – усмехнувшись, удобнее сажусь с ней на кухонный уголок и, откинувшись затылком на прохладную стену, продолжаю кормить.

В благодатной тишине раздаётся смачное причмокивание, вызывая усталую улыбку на моих губах. Вскоре к мурлыка-

ную дочки присоединяется другой звук, слабый и мелодичный, смешанный с вибрацией.

– Телефон? – устремляю хмурый взгляд в сторону коридора, где вчера после дежурства оставил свои вещи.

Вздохнув, поднимаюсь, не отрывая соски от рта Алиски и не взбалтывая молоко в бутылке. Чревато последствиями, ведь кроха у меня с характером и поест любит. Трапезу прерывать нельзя, так что я, как Индиана Джонс, прохожу чертов квест.

Добравшись до сотового, каменею на секунду. Не может быть!

– Вика? – читаю вслух имя контакта, и дочка прекращает посасывать смесь.

На душе беспокойно. Богданова редко звонит мне и только по делу. Впрочем, мало ли что она хочет сообщить. Может, у нас прививка скоро или взвешивание...

Однако интуиция гудит сиреной.

Включаю громкую связь и, не прерывая кормления, деловито бросаю:

– Доброе утро, Виктория Егоровна.

– Гордей, ты дома? – обращается на ты. Первый тревожный звоночек. Хреново! – Сможешь приехать в клинику?

Ее сорвавшийся голосок бьет под дых, сковывая легкие. Дикое отчаяние передается мне через телефон. Я готов бежать прямо с Алиской на руках, куда она прикажет. Лишь бы успеть. Успокоить. Помочь.

Проклятые эмоции!

– Вика, что случилось? – хрипло выталкиваю из себя. – Вика? – зову громче. Пальцы сжимаются на бутылочке, моя девочка кривится и давится от чересчур сильного потока. беру ее столбиком, поглаживая по спине, а сам не отрываю глаз от дисплея.

– Приступ, – коротко доносится из динамика, и у меня обрывается сердце от одного простого слова. В последний раз мне было так страшно, когда я держал жену за руку на родах и видел прямую линию на мониторе. – Только ты сможешь помочь! Пожалуйста!

– Успокойся, Вика, дыши и не усугубляй свое состояние, – чеканю холодно и четко, чтобы достучаться до нее. – Ты сейчас где? Есть ли рядом кто-то, кому ты можешь передать трубку? Я объясню, что делать. Тебе нужен покой, доступ свежего воздуха и...

Переложив Алиску на один локоть, свободной рукой яростно, до треска ткани оттягиваю ворот футболки, будто кислорода не хватает именно мне, а не потенциальной пациентке на том конце провода.

Черт, Вика, как же так!

Игнорирую разрушительный тайфун в груди, запечатаваю неуместные чувства внутри и из последних сил призываю доктора. Богдановой специалист нужен, а не сломанный прошлым слабак. Я не могу потерять еще и ее... Не имею права.

– Я еду к тебе, – неожиданно заявляет она, вгоняя меня в

ступор. На фоне слышится шум двигателя. – Помощь нужна... не мне, а... Назару, моему... брату. Ты должен... помнить его, – делает паузы между словами, запыхавшись в панике.

– Да, я хорошо знаю вашу семью, – заторможено тяну, постепенно сопоставляя факты. – К тому же, Назар обращался ко мне на днях, но отмахнулся от лечения. Я настаивал, но... Он сказал, что некогда.

Я по-прежнему сосредоточен и напряжен, но безумный страх за Вику сходит на нет, уступая место врачебному профессионализму. Мысли проясняются, история болезни Назара и его жалобы на сердце всплывают в памяти, варианты неотложной помощи и последующего лечения выстраиваются в голове по полочкам. В принципе, я представляю, как действовать дальше. Главное, успеть. В этом Вика права – реагировать надо быстро.

– Брату всегда не хватало времени на себя, он погряз в семейных проблемах, топил горе в работе, и вот к чему все привело... С ним сейчас бывшая жена, она мне и позвонила, а я... сразу вспомнила о тебе, Гордей. Прошу, не отказывай нам.

Она чуть не плачет – ловлю нотки отчаяния в подрагивающем голосе. Конец фразы заглушают сигналы мимо проезжающих автомобиле, следом звучит визг тормозов. Слишком импульсивна и неосторожна Богданова на оживленной трассе. Не хватало ей попасть в аварию...

– Виктория, ты за рулем? – уточняю и слышу слабое «да» в ответ. Мысленно матерюсь. – Послушай меня, я обязательно вытащу твоего брата, – произношу чуть ли не по слогам, громко и убедительно, хотя сто процентов дать не могу – надо для начала Назара осмотреть, а потом делать прогнозы. Но сейчас моя цель – успокоить расшатанную психику нашего педиатра. – Я немедленно вызываю няню и собираюсь...

Подцепляю телефон двумя пальцами, крепче обнимаю дочку – и возвращаюсь в детскую. Не прерывая звонок, будто от него зависит моя собственная жизнь, я укладываю малышку в кроватку, а сам распахиваю шкаф. Срываю с вешалок первые попавшиеся под руку брюки, наспех натягиваю на себя. Замираю с расстегнутым ремнем, вслушиваясь в Виккин шепот.

– Я сама с радостью посижу с Алиской, только, умоляю тебя, скорее, – всхлипывает с надрывом, вскрывая меня без скальпеля, одними лишь словами, и доставая из недр души обычного, уязвимого человека.

– Все будет хорошо. Я клянусь. Не волнуйся, следи за дорогой и... – сглатываю, чтобы тихо добавить то, что в последний раз говорил жене: – Береги себя, пожалуйста.

Отключается, а я некоторое время стою истуканом, уставившись на свое отражение в зеркальной дверце. На меня оттуда смотрит прежний Гордей... чересчур живой. Не знаю, хорошо это или плохо. Эмпатия – плохой советчик.

Очнувшись, продолжаю одеваться. Не успеваю толком

восстановить душевное равновесие и вернуть себе привычный холодный рассудок, как раздается звонок в дверь. Вылетаю в коридор, на ходу борясь с пуговицами. Нарушаю ряд, из-за чего приходится делать все заново. Наплевав на свой внешний вид, открываю прямо в распахнутой рубашке.

На пороге моей квартиры – заплаканная Вика. Молча схлестываемся взглядами, и она вдруг бросается ко мне. Беззащитная, раскрытая, искренняя. Зарывается в моих объятиях, роняет голову на грудь и шумно выдыхает, застав меня врасплох.

Машинально укладываю ладони на ее сгорбленную спину – и мелкая дрожь проносится вдоль позвоночника, перекидывается на меня, как пламя пожара в ветреную погоду.

Концентрированная нежность после двух месяцев сухого, делового общения бьет по телу и мозгам, сладким ядом разносится по венам. Вика словно вернулась домой после долгого блуждания, хотя мы никогда не были близки.

Необъяснимые ощущения, неуместные и пагубные.

Разумом понимаю, что это секундная слабость. Маленькая передышка, после которой Вика обязательно придет в себя. Порыв, вызванный исключительно сестринскими чувствами к Назару. Я все осознаю, но подло пользуюсь моментом. Обнимаю ее крепче, упираясь подбородком в макушку, и устремляю пустой, стеклянный взгляд на лестничную площадку. Плевать на вздорную соседку, которая выходит из своей квартиры, как бы невзначай покосившись на нас, сто-

ящих в проеме двери. Однажды я представил молоденькую докторшу как нашу маму, поэтому у нее не должно возникнуть вопросов. Кажется, мне и самому хочется в это верить от безысходности, одиночества и тоски.

Время останавливается, но я собираю рассудок по осколкам, чтобы усилием воли завести часы.

– Виктория, как я могу доверить дочку няне с нервным срывом? – обращаюсь к ней строго, зная, что только так смогу прекратить женскую истерику. А заодно и себя остудить. – Может, все-таки позвоним Тамаре Павловне? – добавляю чуть мягче и, не выдержав, зарываюсь пальцами в ее волосы, испортив аккуратную прическу.

– Я в порядке, прости, – рвано дышит мне в плечо, а потом запрокидывает голову. – Езжай, я присмотрю за Алисонькой, – отстраняется, вытирает щеки от слез и тепло добавляет: – Я скучала по ней.

– Она тоже...

«И я», – предательски простреливает в мыслях, но я отгоняю это прочь.

Провожая Вику тягучим взглядом вплоть до двери детской, отворачиваюсь с легкой улыбкой – и спешу спасти ее брата.

Я должен. Я пообещал, а нарушать слово не в моих правилах.

Я хочу это сделать... ради нее.

Глава 9

Виктория

– Как же ты быстро растешь, Алисонька, – нежно приговариваю, выкладывая ее на животик.

Сажусь рядом на постель, которую я предварительно застелила чистой ситцевой пеленкой. С улыбкой поглаживаю малышку по спинке и наблюдаю, как она поднимает головку, вертит ею по сторонам, находит взглядом меня и смеется, выпуская слюнки из ротика. Достаю очередную салфетку из пачки, чтобы вытереть ей подбородок. Рядом на тумбочке уже собралась целая гора использованных.

– Зайка, только животик тебе нормализовали, так теперь ты готовишься показать все прелести прорезывания зубов? – наклоняюсь к ней, чтобы поцеловать в лоб. – Не бережешь ты своего бедного папку...

С тоской поглядываю на часы, отсчитывая время с момента ухода Одинцова. Ожидание съедает меня изнутри, неизвестность убивает последние зачатки надежды. Кажется, что прошла целая вечность. Ладони покалывает от желания схватить телефон и позвонить ему, но не хочу мешать. Мысленно молюсь, чтобы все было хорошо... и у Назара, и у самого Гордея.

– Пф-ф-ф, – плюется Алиса, заставляя меня отвлечься от переживаний и вновь потянуться за салфетками. Не успеваю

взять ни одной, выпуская пачку из рук.

С силой задрав голову, девочка вдруг роняет ее, уткнувшись лицом в матрас. От возмущения заходится диким криком, трется носом о пеленку и оставляет мокрые следы на ткани. Поджимает ножки, отталкивается, неуклюже заваливаясь на бок. Злится еще сильнее, отчего вопль становится громче.

– О-о-ох-х, папкин характер! – тепло восклицаю и поднимаю ее на руки, прижимая к груди. – Командирша ты у нас, да? – игриво спрашиваю, чмокая мокрые, соленые щеки и собирая детские слезки губами.

С точки зрения профессионализма это неправильно – постоянно целовать подопечную. На всех пациентов эмоций и сил не хватит, но... почему-то Алиска для меня особенная. С первых дней я отношусь к ней как к близкому человечку. Наверное, причина в том, что она растет без матери, а у меня рядом с ней пробуждаются родственные чувства.

Я думала, что за два месяца разлуки остыну и отойду, но стоило увидеть сегодня кроху, как сердце растаяло. Уверена, даже холодный, суровый Одинцов меняется и плавится рядом с дочерью.

Маленькая волшебница. Она станет его исцелением, спасет от горя, вытащит с того света, куда он собрался следом за женой.

– Тш-ш, идем в кроватку, а я пока смесь сделаю, – покачиваю Алиску на руках, выношу из спальни, куда мы пере-

местились на время ради двуспального плацдарма для ползания, и выхожу в коридор.

Взгляд невольно цепляется за фотографию в черной рамке. Замечает ее и кроха, беззаботно тянет ручки, пытается схватить, однако быстро теряет интерес. Для нее это всего лишь картинка, поэтому она с большим любопытством переключается на живого человека. Улыбается мне, лепечет что-то на своем, дергает ножками, поторапливая меня.

– Это твоя мама...

В последний раз покосившись на жену Гордея, которая будто следит за нами, проглатываю подступающие к горлу слезы.

Не выдержав, опять целую сиротку, только теперь в макушку, веду носом по шелковистому пушку, вдыхаю сладкий запах ребенка. Алиска не понимает ни слова, но все тонко чувствует. Льнет ко мне крохотным тельцем, комкает ручками блузку, гладит по груди и находит серебряную цепочку. Хватает крестик, пряча его в кулачок. Привычным движением тянет в рот.

– Нравится? – усмехаюсь, направляясь в детскую.

Уложив малышку, снимаю с шеи цепочку и вешаю ее на край кровати, обкрутив вокруг деревянной перекладины, так чтобы крестик было видно, но достать нельзя.

– Пусть тебя бог бережет, – искренне выдыхаю, поглаживая пальцами румяную щечку. – Вас обоих...

В сотый раз, как одержимая, бросаю тревожный взгляд на

циферблат, гипнотизируя стрелки. Сердце заходится в дикой пляске, и в его гуле я не сразу улавливаю вибрацию телефона, намеренно поставленного на беззвучный режим.

– Да, Гордей? – выпаливаю в трубку.

– Хм, нет, – доносится в ответ противный голос Марии, и меня передергивает от отвращения. Я старалась игнорировать ее после того, как она меня подставила перед главным, и пресекала любые попытки помириться. Однако наглость коллеги не имеет границ.

– У меня нет времени на телефонные разговоры, – строго бросаю и собираюсь отключиться.

– Тебя Захаров потерял. Передать ему, где ты? – выплевывает с налетом угрозы. Тварь! Догадалась, от какого именно Гордея я трепетно жду звонка. Тогда не получилось выставить меня неизвестно кем, так она новый повод ищет.

– Не утруждайтесь, Мария, я сама все объясню главному, а вы занимайтесь своими делами, – цежу ледяным тоном, с трудом подавляя гнев. Она питается сплетнями, как энергетический вампир, так что я не доставлю ей такого удовольствия. С меня хватит. Если мою доброту принимают за слабость, значит, самое время стать стервой.

Перезваниваю начальству, лично объясняю ситуацию – и слушаю слова поддержки. Захаров знаком с моими родными, поэтому искренне желает Назару выздоровления.

– Спасибо, – буквально выбиваю благодарность из груди и едва сдерживаю истерику, вспоминая о брате.

Почему так долго? Неужели Гордей не может позвонить мне? Хватило бы короткой фразы: «Все под контролем». Это же так в его стиле. Или ему нечем меня успокоить?

Мысленно встряхиваю себя и посвящаю остаток дня малышке. Кормлю ее, делаю массаж, пытаюсь противостоять детским капризам, но быстро сдаюсь. Выполняю все желания младшей Одинцовой, как верная слуга. Вечером, измученная и обессиленная, ложусь вместе с ней на диван. Прильнув щекой к подушке Гордея, ощущаю приятный и знакомый мужской аромат, словно он рядом... Блаженно прикрываю глаза, обнимая засыпающую Алису.

Даю себе несколько минут отдыха и не замечаю, как вместе с теплым комочком под грудью, словно настоящая мать, проваливаюсь в чуткий сон...

– Штраф тебе, нянька, ребенка проспала, – иронично доносится возле самого лица.

Висок и скулу обдаёт жарким дыханием, а щеки касаются холодные пальцы. Резкий контраст заставляет меня вздрогнуть и распахнуть глаза. Первым делом панически проверяю Алиску, которая мирно сопит рядышком, а потом устремляю сонный, насупленный взгляд на шутника, присевшего у дивана.

Он мягко улыбается, рассматривая меня, поглаживает дочку по плечу, спускается к моей руке, которой я придерживаю ее, накрывает широкой, прохладной ладонью.

– Гордей, – испуганно зову, приподнимаясь на локте. –

Что?.. Как он?

– Тише, Вика, с твоим братом все в порядке. Я же обещал, – нашептывает, бережно убирая с моего лица растрепавшиеся волосы, подцепляет одну самую непослушную прядь и заправляет за ухо. Его бархатный голос обволакивает меня, действуя как транквилизатор. – Давай Алиску переложим в кроватку, а потом поговорим.

Большая, шероховатая от антисептиков ладонь на доли секунды задерживается на моей щеке, после чего устремляется к малышке.

– Я сама!

Перехватываю его запястье пальцами, не позволяя коснуться собственной дочери. Отрицательно качая головой, и Одинцов послушно откликается на мой предупреждающий жест. Взяв теплый комочек на руки, я осторожно сажусь на диване. Покачиваю причмокивающую кроху, чтобы не проснулась, и тихо объясняю Гордею:

– Ты ведь сразу после клиники, даже пахнешь лекарствами – и несешь всю эту больничную дрянь ребенку. Сначала иди в душ, переоденься, а уже после...

– Так точно, мисс доктор, – подносит два пальца к виску, игриво отдавая честь. Сам на себя этим вечером не похож – видимо, стресс сказывается на его настроении.

Поднимаюсь, пряча улыбку, а Гордей аккуратно придерживает меня за локоть. Не спешит уходить... Встав чуть поодаль и скрестив руки на груди, наблюдает, как я укладываю

ребенка, накрываю мягким пледом и замираю над кроватью, слегка толкая маятник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.